

Глава 3. НАВСТРЕЧУ БУРЕ

Анархо-синдикалистский Интернационал накануне Испанской революции

« Фашизм никогда не рассматривался МАТ изолированно, но всегда в связи с международной реакцией, государством и капитализмом, диктатурой и тоталитаризмом. Альтернативой было: социальная революция или фашизм, реакция и война. [1]

Рудольф де Йонг,
голландский анархист и историк

4-й конгресс МАТ

Проведение очередного конгресса Интернационала было намечено на 16 ноября 1930 г., однако испанская НКТ, которой была поручена организация форума, не смогла его подготовить, прежде всего, из-за обострения положения в стране. Конгресс был отложен до весны следующего года [2]. Падение монархии в Испании коренным образом изменило ситуацию. НКТ стала легальной и могла теперь организовать созыв международного съезда анархо-синдикалистов.

После консультаций между Секретариатом МАТ и НКТ 4-й конгресс был проведен в Мадриде с 16 по 21 июня 1931 г. В нем приняли участие 38 делегатов. Были представлены секции из 19 стран: Аргентины (ФОРА; делегат — Исмаэль Марти), Болгарии (анархо-синдикалистская пропагандистская организация; делегат — Пано Василев), Боливия (Рабочая федерация; делегат — Херонимо Родригес), Бразилии (местные рабочие федерации из Рио-де-Жанейро, Баже, Пара, Пелотаса, Уругуаяны и Леона; делегат — И. Марти), Гватемалы (Комитет профсоюзного действия; делегат — И. Марти), Германии (ФАУД; делегаты — Хельмут Рюдигер, Карл Виндхофф), Испании (НКТ; делегаты — Авелино Гонсалес, Н.Л. Сотомайор, Эусебио Карбо), Коста-Рики (Исследовательский центр «К свободе»; делегат — Х. Альберола), Кубы (Общество крестьян; делегат — И. Марти), Мексики (ВКТ; делегат — И. Марти), Нидерландов (НСП; делегаты — Ян Вольтхюйс, Аугуст Руссо), Норвегии (НСФ; делегат — Альберт Йенсен), Парагвая (Региональный рабочий центр; делегат — И. Марти), Перу (Общество ремесленников; делегат — И. Марти), Португалии (ВКТ; делегаты — М.Ж. ди Соуза, Жуан Миранда), Сальвадора (Союз плотников; делегат — И. Марти), Уругвая

(ФОРУ; делегат — Хоакин Кортес), Франции (РСВКТ; делегаты — Пьер Бенар, Люсьен Юар), Швеции (САК; делегат — А. Йенсен). Помимо этого, с совещательным голосом присутствовали делегаты Синдикалистско-анархистской молодежи Германии (Х. Рюдигер), группы «Свет и действие» (Эквадор; И. Марти), профсоюза газовщиков Голландии (Й. Ван дер Наай), анархо-синдикалистской пропагандистской группы Польши (А. Сухи), русских анархо-синдикалистов (Николай Лазаревич), «Русского фонда» — фонда помощи арестованным и преследуемым анархо-синдикалистам России (Рудольф Роккер, Жак Дубинский, Александр Шапиро), региональных федераций испанской НКТ в Андалусии (Мигель Мендиола), Кастилии (Фелисиано Бенито), Северном регионе (Мигель Перес), Леванте (Диего Парра), на Балеарских островах (Франсиско Арин), Астурии (Авелино Гонсалес), Галисии (Хосе Вильяверде), Арагона, Ла-Риохи и Наварры (Рамон Асин) и Каталонии (Жосе Робусте), а также Национального комитета НКТ (Анхель Пестанья и Прогресо Альфараче). Присутствовали также члены Секретариата МАТ (Сухи, Роккер и Орбон Фернандес), делегаты Международной антимилитаристской комиссии (Альберт де Йонг) и АКАТ (Абад де Сантьян) [3].

Собравшихся делегатов анархо-синдикалистского движения приветствовали представители испанской НКТ и секретарь МАТ Роккер. Телеграфные и письменные приветствия направили анархистские, анархо-синдикалистские и синдикалистские организации Болгарии (анархо-синдикалистская группа Софии, анархо-коммунистическая группа Пловдива, студенческий союз БОНСФ), Венгрии (Венгерский всеобщий рабочий союз), Германии (Синдикалистско-анархистская молодежь Германии, штеттинское отделение Индустриальных рабочих мира), Испании (Иберийская анархистская федерация, группа «Освобождение» из Бестансос-Корунья, синдикат гражданского строительства Валенсии), Италии (эмигрантский комитет Итальянского синдикального союза во Франции), Кубы («Народный атенеум» Гаваны), Мексики (ВКТ), Нидерландов (две общенациональные отраслевые синдикалистские федерации, Синдикалистская федерация металлистов Роттердама, синдикалистские рабочие Вормера, социально-анархистская газета «Де Арбейдер», Синдикалистская организация Утрехта), Польши (Анархистская федерация «Борьба» в Париже), Португалии (38 общенациональных и местных анархо-синдикалистских организаций, Либертарный альянс Лиссабона, анархистская группа Сетубала, Федерация португальских анархистов в эмиграции в Париже), США (Федерация испанских анархистских групп «Пролетарская культура»), Франции (испанское издание «Трабахо либертад», испанские группы «В бунте» и «Анархистская группа Лопеса Аранго», комитет испанской НКТ в Безье), Швейцарии (Интернациональный автономный профсоюз каменщиков и разнорабочих Женевы), Швеции (Центральная организация шведских рабочих САК), Японии (рабочая федерация «Канто тибо иппон родо кумий»), русские эмигранты — левые эсеры и максималисты, а также видные активисты международного либертарного движения Эмма Гольдман, Александр Беркман, Себастьян Фор (Франция), Артур Мюллер-Ленинг (секретарь Международной антимилитаристской комиссии), Уильям Мэйнуоринг (Британия), Валентин Адольфо (Испания), Херманн Штенцляйт (Лондон), Хосе Вальверде Корраль (Танжер, Марокко), Я. Бейлстра (Нидерланды), Эйдзо Койке (Япония) [4].

Работу международного форума анархо-синдикалистского Интернационала — наиболее представительного в его истории — открыл секретарь МАТ Сухи, который выразил надежду на то, что период оборонительных боев закончился и теперь движение сможет перейти в

наступление. Особые надежды при этом возлагались, конечно же, на события в Испании. «В Испании либертарный социализм впервые имеет возможность в крупных масштабах продемонстрировать осуществимость наших идей, — подчеркнул он. — Победа синдикализма в Испании позволила бы МАТ практически показать пролетариату всех стран применимость методов борьбы прямого действия и либертарных принципов» [5]. Конгресс начался с принятия приветствия испанскому пролетариату и заявления о подержке жертв репрессий во всем мире (конкретно были упомянуты рабочие Италии, Португалии, Венгрии, Балканских стран, Польши, Аргентины, Кубы, Бразилии и других государств Южной Америки, трудящиеся колониальных стран и русские революционеры) [6].

В отчетном докладе Секретариата МАТ Сухи говорил о прогрессе анархо-синдикалистского движения в одних странах (росте НКТ в Испании, возникновении АКАТ, создании секций в Болгарии и Румынии, сближении с Анархистской федерацией Польши, которая работала в качестве меньшинства в реформистских профсоюзах) и полученных ударах в других (разгроме ФОРА), о помощи секциям и их изданиям, акциях солидарности и т.д. Он признал, что деятельность Интернационала еще «не во всех отношениях удовлетворительна», но выразил надежду на то, что положение изменится к лучшему: «МАТ — единственный Интернационал, который ведет единую борьбу в экономической и политической области, не отделяя политическую борьбу от экономической, как это делают другие Интернационалы. Если нам удастся укрепить МАТ, несмотря на экономический кризис, то рабочие смогут и в этой ситуации перейти в наступление. Испания служит в этом отношении началом» [7]. Были сделаны также отчетные доклады о деятельности «Русского фонда» (Роккер) и Международной антимилитаристской комиссии (А. де Йонг) [8]. Отчет о работе Секретариата и «Русского фонда» получил единогласное одобрение (воздержались норвежские синдикалисты). Французская РСВКТ голосовала против одобрения отчета МАК, испанские и норвежские секции воздержались, тем не менее большинство организаций высказались «за». Французская делегация внесла проект резолюции, в которой предлагалось «расширить» и конкретизировать деятельность всех трех отчитывающихся органов, дав соответствующие поручения Секретариату. За это проголосовали 6 делегаций, 12 воздержались. Южноамериканские представители предложили затем «переголосовать», с тем чтобы РСВКТ сняла свой голос против МАК. После этого был принят единый текст об одобрении деятельности Секретариата, МАК и «Русского фонда», в который были включены и соответствующие рекомендации (воздержались лишь организации из Норвегии и Голландии). Отредактированный вариант резолюции в конечном счете, одобрили все делегации, кроме воздержавшихся французской и норвежской. Принятая резолюция поручала Секретариату регулярно публиковать в пресс-бюллетене МАТ отчеты о политических и экономических событиях во всех странах и об отношении к происходящему анархо-синдикалистских организаций. Каждой секции предлагалось избрать официального корреспондента МАТ, который должен был ежемесячно информировать Секретариат о происходящем в его стране. В экстренных случаях Секретариат оплачивал телеграфную связь. Фонду солидарности с заключенными в Советском Союзе поручалось подготовить подробный и детальный отчет о положении арестованных и ссыльных, разослать его организациям Интернационала и просить их начать кампанию за освобождение товарищей. Делегаты призвали издания МАТ широко публиковать материалы фонда. МАК должна была продолжать свою пропагандистскую деятельность и распространять антимилитаристский материал «в духе принципов МАТ и МАБ» [9].

При обсуждении отчетов об анархо-синдикалистском движении в отдельных странах латиноамериканский делегат Марти, член ФОРА, подверг критике испанскую НКТ за сотрудничество с по литиками, заявив, что испанская организация «была не на высоте своих принципов». Это высказывание встретило яростные возражения представителей НКТ Гонсалеса и Карбо [10]. Первое столкновение между южноамериканскими и европейскими анархо-синдикалистами, как вскоре выяснилось, предвещало острейшие расхождения во мнениях по важнейшим вопросам и бурные споры на конгрессе.

В центре обсуждения оказалось отношение анархо-синдикализма к экономическому кризису и рационализации.

Делегатам конгресса было представлено несколько докладов, которые должны были послужить основой для принятия резолюций. Опираясь на информацию и доводы, содержащиеся в докладе Христиана Корнелиссена «Нынешний экономический кризис и позиция революционного синдикализма», представитель РСВКТ Люсьен Юар представил проект решения, предложенный Секретариатом. В нем, в частности, утверждалось, что циклические кризисы неизбежны при капиталистической системе, причем переживаемый кризис вызван последствиями рационализации производства, массовых увольнений и значительного снижения покупательной способности трудящегося населения. В рамках капитализма против такого рода явлений нет лекарств, а действия картелей и трестов лишь усугубляют положение. Не являются выходом из положения ни миграция рабочей силы из одних стран в другие, ни принудительный труд, ни государственный капитализм или государственный социализм. В этой связи авторы доклада подчеркивали, что лишь ликвидация капиталистического экономического строя и его замена строем «социалистической экономики, основанной на потреблении», то есть системой федераций экономических союзов и самоуправляющихся предприятий, позволит устранить причины кризисов, непосредственно адаптировав производство к потреблению. Такое преобразование возможно лишь посредством социальной революции. В то же время авторы проекта предлагали и меры, которые, по их мнению, позволили бы смягчить воздействие кризиса: борьбу против снижения зарплаты, создание советов на производстве и оказание через них воздействия на администрацию в форме контроля над бухгалтерскими книгами, над приемом на работу, увольнением и производством. Рабочий контроль рассматривался не только как способ ограничить прибыли капиталистов в пользу трудящихся, но и как подготовка к последующей экспроприации производства работниками [11]. Поясняя эту мысль, Юар подчеркнул: «Контроль должен осуществляться не в согласии с предпринимателями, а против них... Этот контроль не должен ограничиваться одним предприятием; его следует распространить на все предприятия; должны быть установлены связи между Советами предприятий одного и того же населенного пункта, одной и той же отрасли, одной провинции, страны и, наконец, всех стран» [12].

Шапиро предложил на обсуждение конгресса доклад на тему «Рабочий класс и рационализация». В нем в какой-то мере повторялся или развивался прежний анархо-синдикалистский анализ положения в мировой экономике. Шапиро вновь называл главной причиной кризисов хроническое «недопотребление», вызванное ножницами между оптовыми и розничными ценами, а также низкой покупательной способностью масс, усиленной безработицей. Он остановился также на методах, к которым прибегали предпри

ниматели для преодоления кризиса сбыта: расширению военного производства (которое, по мнению Шапиро, неминуемо должно было привести к войне), рационализации экономической структуры, обострению конкуренции между крупными промышленными державами, товарном демпинге, приобретении новых рынков в колониальных и менее развитых странах, что, в свою очередь, вызвало в них подъем капитализма и стремления к независимости [13].

Однако, в отличие от того, что говорилось на предыдущем конгрессе 1928 г., на сей раз Шапиро не отвергал рационализацию экономики столь жестко и однозначно. «Критика новых идей и новых методов всегда легка — иногда слишком легка, и эта легкость представляет собой ловушку», — утверждал он, призывая не отбрасывать ее полностью, как делали луддиты с машинами, а «изучать принципы и методы рационализации» и позволять их применять их лишь в том случае, если они «ни в чем не ухудшают их права и условия труда» [14].

Более того, Шапиро утверждал, что «механическая рационализация» (совершенствование методов производства и распределения труда) «неминуема», может принести выгоду и благосостояние рабочему классу и вообще «должна приобрести еще большие масштабы, чем сегодня, при капитализме, когда она нацелена на благо исключительно предпринимателей, трестов или их акционеров». Иными словами, сама по себе рационализация представлялась ему делом неизбежным и правильным. Но осуществлять ее следовало иначе: так, чтобы она вела не к сокращению зарплаты и продлению рабочего дня, а к уменьшению рабочего времени при любом снижении себестоимости производства; чтобы рационализация движений работника не приводила к монотонности труда и усталости. Если Роккер указывал на страшный вред, который наносит подчинение ритма деятельности, действий и мышления человека машине, то Шапиро видел дело иначе: «Мы не должны думать, будто все машинное пагубно для человека. Каждый отдельный человек развивает сознательно и, прежде всего, неосознанно известную телесную дисциплину даже вне фабрики... И в мастерской или на фабрике работник непроизвольно старается делать такие движения, чтобы экономить свое время и мускульную силу». Он призывал превратить «неосознанную рационализацию» мускульной и умственной силы работника в «преимущество» для него.

С этой целью Шапиро предлагал добиваться установления 6-часового рабочего дня и рабочего контроля над осуществлением рационализации и внедрением новых методов производства и труда (создания рабочих «рационализаторских бюро», введения компетентного члена в производственный совет и т.д.) [15].

Наконец, с точки зрения Шапиро, и само синдикалистское движение должно было осуществить «внутреннюю рационализацию», то есть «реорганизацию... в направлении более компактного и гибкого функционирования, создания крупных отраслевых объединений в национальном и интернациональном масштабе и, вследствие этого, на создание вертикальных органов вместо горизонтальных, которые унаследованы еще из времени профсоюзной организации по профессиям и территории (бирж труда)» [16].

Внесенный Шапиро проект резолюции «Тактика рабочего класса в отношении рационализации» призывал поддержать развитие технических усовершенствований и методов рационализации труда («мускульной и мозговой техники»), но осудить их использование капитализмом в интересах увеличения прибыли. Последнему, по его мысли, и должны были оказать сопротивление организации рабочего класса. Проект Шапиро предлагал рационализировать «методы работы революционного синдикализма», повсеместно организовывать отраслевые федерации и рабочие комитеты на всех предприятиях, избираемые всеми членами трудового коллектива. В федерациях и комитетах следовало выделить специальных лиц, занимающихся проблемами технической рационализации. Ни одно техническое усовершенствование, требовавшее новых усилий со стороны работников, не должно было осуществляться без согласия соответствующей отраслевой федерации. Рабочим предстояло до биваться того, чтобы внедрение новой техники и новых методов труда не приводило к сокращению зарплаты и сопровождалось прогрессирующим сокращением рабочего времени и трудоустройством безработных [17].

Как бы в развитие этого тезиса Шапиро, французский анархо-синдикалист Пьер Бенар предложил конгрессу осуществить «реорганизацию международного синдикализма» по единообразному плану. «Чтобы отвоевать потерянную почву, чтобы быть на уровне противника, синдикализм также должен перейти к реорганизации, к своей собственной “рационализации”, причем в мировом масштабе. Эпоха трестов, концернов, консорциумов, крупных хозяйственных и боевых организаций капитализма не позволяет нам больше сохранять существование устаревших объединений по профессиям наряду с отраслевыми федерациями в одном и том же роде и округе или в одной федерации. И организации различных стран не могут больше строиться по-разному, состоять и из отраслевых, и из профессиональных объединений», — заявлял Бенар. Он требовал, чтобы основной формой стала отраслевая федерация, а объединения по профессиям были ликвидированы. В каждой стране должна была существовать однотипная организационная структура: местные отраслевые союзы, местные и окружные объединения различных отраслевых союзов, общенациональные отраслевые федерации, общенациональные объединения трудящихся. На мировом уровне должны были действовать объединения организаций трудящихся отдельных стран и объединения отраслевых федераций¹⁸. В отличие от Шапиро, Бенар считал, что в выборах Советов предприятий должны участвовать не все работники данного предприятия, а только члены синдикатов. «Советы предприятий и центральные комитеты должны быть органами профсоюзов, — настаивал он, — поэтому участвовать в них должны только рабочие, организованные в профсоюзы, иначе они легко попадут под контроль политических партий». Он предостерегал от узаконения рабочих Советов. По его мнению, главная задача этих органов должна была состоять не в контроле бухгалтерских книг, а в осуществлении революционной синдикалистской тактики, во влиянии на найм и увольнение рабочей силы и в подготовке работников к взятию управления производством в свои руки [19].

Внесенные предложения немедленно встретили самую решительную оппозицию со стороны аргентинцев. Прежде всего, представители ФОРА обвинили европейских синдикалистов в том, что те ориентируются исключительно на промышленность и совершенно игнорируют сельское хозяйство и работников, занятых в этой отрасли. Если в Европе промышленность преобладает, то в Латинской Америке и в Испании это совсем не так, поэтому неправильно

рассматривать экономические вопросы только «через очки го родской промышленности». Однако за проблемой соотношения отдельных отраслей хозяйства скрывались более глубокие расхож деня. ФОРА выступала против самой индустриально-капиталистической цивилизации. «Не только политический фашизм, но и капиталистический индустриализм — опасная форма тирании, — заявил Абад де Сантьяго. — Товарищи полагают, что первоочередное значение имеет только экономический вопрос. Но капиталистический аппарат, если он останется тем, что он есть, и в наших руках никогда не станет инструментом освобождения человека, задавленного гигантским механизмом. Экономический кризис порожден гигантским развитием машин и рационализацией <...>; это всеобщий кризис, который может быть решен только социальной революцией», — подчеркнул он. «Индустриализация не является не обходимой, — повторил южноамериканский делегат в другом выступлении на ту же тему. — Без нее жили тысячелетиями; счастье жизни и благосостояние не зависят от индустриализации» [20]. Другой аргентинский делегат Марти в еще более резких тонах объявил себя противником рационализации и сторонником формулы «не человек для общества, а общество для человека». Он призвал «чистых синдикалистов» вернуться к принципам анархо-коммунизма:

«назад к простоте природы, к сельскому хозяйству, к коммуне. Только следуя этим принципам, можно преодолеть производство на мировом рынке и прийти к системе свободного распределения» [21]. По-прежнему неприемлемым оставался для южноамериканцев призыв к «организационной подготовке революции», то есть к созданию органов, которым предстояло взять на себя роль регуляторов будущего общества. Именно так они и восприняли план организации мирового анархо-синдикалистского движения, предложенный Бенаром. Латиноамериканские анархисты не выступали против «духовной и материальной» подготовки революции, но возражали против единообразия. Абад де Сантьяго и уругвайский делегат Кортес соглашались признать возможность образования отраслевых (индустриальных) федераций в Европе, но требовали, чтобы рабочие анархисты в странах Южной Америки могли работать по-своему [22]. Марти обвинил французскую РСВКТ в намерении «механизировать МАТ». Абад де Сантьяго объяснил, что нельзя рассчитывать на «окончателность» будущей революции:

«Нельзя думать, что грядущая революция разрешит все раз и навсегда. Следующая революция не будет последней. В буре революции все заготовки будут выброшены в яму, революция создает себе собственные формы жизни» [23].

Европейские делегаты столь же страстно защищали индустриальное развитие и заявляли, что эти проблемы касаются и деревни. «Синдикализм — это индустриализм... Мы за технику. Мы не хотим назад, к первобытности. Не человек или производство <...>, а только человек и производство», — провозгласил Лазаревич. Испанец Гонсалес доказывал, что рационализация и совершенствование методов труда позволяют увеличить производство, и «завтра» это может оказаться полезным уже не буржуазии, а пролетариату. В то же время он подчеркнул невозможность рабочего контроля над производством до революции. «Советы предприятий сегодня — помощники в борьбе, а не инструменты приспособления или овладения капиталистической техникой». Шапиро возлагал надежды на роль техники в сокращении рабочего времени и освобождении работника. Представитель ФАУД Рюдигер

призвал учесть задачи не только контроля над производством, но и организации потребления. Испанец Карбо соглашался с необходимостью «приспособить наши формы борьбы к противнику» [24]. Он пошел еще дальше, заявив, что следует согласиться с рационализацией и совершенствованием техники, поскольку они идут на благо развитию предприятий, которые после революции перейдут к трудящимся. От имени НКТ Карбо выступил за создание отраслевых рабочих федераций [25]. А Бенар прямо обвинил южноамериканцев в том, что они являются «противниками синдикализма» как формы и метода перехода к анархии: «Они хотят перепрыгнуть из капитализма непосредственно в анархию. Мы же, напротив, считаем, что к анархистскому обществу можно прийти только через синдикализм». Он призвал даже образовать две отдельные федерации — европейскую и американскую [26].

Европейцы категорически не соглашались с представлением о стихийности революции. По словам Бенара, на конгрессе столкнулись «три мнения: первое, которое верит, что волшебная формула революции разрешит все проблемы, второе, которое уже ближе к нашей, но все же идет недостаточно далеко в практической организации революции, и третье, наше, которое полагает, что можно осуществить лишь то, что подготовлено, познать лишь то, что посеяно». «Опасной» назвал веру в «импульсивные решения во время революции» Шапиро. «Капитализм не умирает сам по себе, — подчеркивал испанский делегат Оробон Фернандес. — Конструктивное действие важнее, чем баррикады... Самый важный — второй день после революции, начало строительства нового. В России анархисты боролись, но большевики начали строительство по-своему». Представитель шведской САК Йенсен выразил «изумление» по поводу позиции южноамериканцев. «Социальная революция должна быть подготовлена до деталей. Совершенно непонятно, как можно хотеть все импровизировать». Он опасался, что ориентация на стихийность откроет дорогу большевикам или другим «политическим демагогам», которые под этим прикрытием осуществят свой коварный план и смогут «завладеть революцией, вновь утвердить политическую власть и установить диктатуру» [27].

Некоторые участники конгресса заняли промежуточную позицию, в той или иной степени склонявшуюся к той или другой «крайности». Ближе всех к мнению южноамериканцев оказался Роккер. Он доказывал, что работник — это не просто наемный раб, ему следует стать ответственным производителем в хозяйственной системе, ориентированной на человеческие потребности. Не возражая против техники как таковой, он предостерег от восторгов в отношении рационализации. «Порча продуктов питания и халтурные изделия — это социальное самоубийство... — настаивал он. — Даже один час бесчеловечной и бессмысленной работы в день может превратить человека в идиота. При капитализме человек с помощью рационализации становится машиной... Вопрос стоит так: человек или производство». Именно человек «должен быть поставлен в центр наших требований» [28]. Роккер обращал внимание на то, что «механизированный» работник не в состоянии понимать производство и управлять им. Он предупредил: «Если рационализация труда продолжится в нынешней форме еще 50 лет, любая надежда на социализм исчезнет» [29]. С немецким теоретиком в основном согласились болгарин Василев и португалец ди Соуза [30].

Голландский делегат Руссо весьма осторожно воспринял французский план реорганизации международного движения, напомнив Бенару, что положение в северных странах совершенно иное, нежели в романских и южных. Он согласился с французским предложением об отраслевых федерациях, но отверг идею Бенара о разделение на европейскую и американскую федерацию как ведущую к расколу МАТ. Сухи, в свою очередь, высказался за рационализацию «при определенных условиях» — так чтобы ее тяжесть не ложилась на плечи трудящихся. В то же время он говорил и о «преувеличениях» рационализации. Что касается подготовки революции, он призвал отказаться от одностороннего, догматического подхода и учитывать реальные различия в отдельных странах и регионах. «Если в Южной Америке, вследствие редкой населенности и относительно неразвитых производительных сил, начавшейся революции можно и без особой подготовки в экономической области придать глубокий социальный характер с помощью изменения отношений собственности, то в Европе... необходима предварительная подготовка в организационном отношении к регулированию потребления и производства профсоюзами» [31].

После бурной полемики делегаты одобрили предложение Шапиро о создании редакционной комиссии в составе Бенара, Абада де Сантильяна, Рюдигера, Оробона и Сухи, которая должна была сформулировать единую резолюцию по экономическим проблемам [32]. В этот документ были включены все экономические темы, за исключением пункта о международной реорганизации движения. Резолюция состояла из пяти разделов: вопрос о работниках сельского хозяйства; об экономическом кризисе и о рационализации; о сокращении рабочего времени; о международной классовой борьбе. В общий текст были интегрированы и другие проекты, предложенные делегатам конгресса, но так и не подвергшиеся специальному обсуждению. Так, проект представителя испанской НКТ Оробона Фернандеса касался отношения МАТ к аграрному и крестьянскому вопросу. В нем подчеркивались необходимость революционно-синдикалистской организации и подготовки крестьянских масс для успеха социальной революции, освобождения крестьянского движения из-под влияния социал-демократов и коммунистов, учета социального разнообразия сельского населения. Проект призывал секции МАТ уделить особое внимание пропаганде на селе и образовать синдикаты работников сельского хозяйства, включающие как наемных сельскохозяйственных рабочих, так и арендаторов, мелких фермеров и т.д. Каждая из этих категорий могла бы составлять отдельную секцию синдиката. Союзы работников должны были затем соединяться в федерации на национальном и интернациональном уровне. В задачи союзов включалась как борьба за непосредственное улучшение положения работников сельского хозяйства, так и ориентация на антикапиталистическую революцию. Среди непосредственных требований назывались повышение уровня зарплаты и сокращение рабочего времени до уровня, существующего в промышленности, ликвидация налогов, закладных и долгов, лежащих на земельных участках размером не более 5 га, а также ренты, выплачиваемой мелкими фермерами землевладельцам, безвозмездная экспроприация лати фундий и их раздел между безземельными и бедными крестьянами. Для осуществления этих и других подобных требований планировалось проводить интенсивную агитацию и пропаганду, забастовки, акты активного и пассивного сопротивления, развивать классовую борьбу на селе и оказывать крестьянским выступлениям максимально возможную солидарную помощь по линии анархо-синдикалистских союзов и МАТ. Одновременно было предложено осуществлять подготовку крестьянских масс к социальной революции и строительству

нового общества. С этой целью проект предусматривал меры по пробуждению и поддержанию революционного духа, объяснению взаимосвязи между нищетой деревни, капитализмом и государством, разъяснению бесплодности проводимых аграрных реформ и необходимости синдикальной организации на селе. Отметив, что революционная работа в деревне сдерживается «традиционными и субъективными преградами» (культурной отсталостью, собственническими инстинктами, эгоистическим индивидуализмом), Орбон Фернандес полагал, что устранить их может только организация крестьянских масс на борьбу за социалистические цели, широкая и активная пропаганда идейных целей движения, развитие навыков солидарности и коллективизма и разъяснение крестьянам того, что борьба за социалистическое общество — в их собственных интересах. Основным условием для такого общества автор проекта называл социализацию земли и сельскохозяйственных орудий, их использование и управление ими со стороны сельскохозяйственных синдикатов производителей, объединенных в федерации. Испанский анархист настаивал на том, что раздел земли между крестьянами приведет лишь к сохранению частной экономики и торговли, к восстановлению капитализма и затруднит применение новейшей техники. Он подчеркивал необходимость организованного продуктообмена между городом и деревней, освобожденного от случайностей и колебаний частного эгоизма³³. Предложения Орбона Фернандеса были без существенных изменений включены в экономическую резолюцию конгресса. Делегаты лишь заменили требование распределения латифундий среди безземельных крестьян положением об их экспроприации «в пользу союзов работников сельского хозяйства, бедных и неимущих работников, которые должны обрабатывать землю под контролем этих союзов». Что касается подготовки крестьянских масс к революции, то здесь были добавлены положение о борьбе за либертарный коммунизм и пункт о подготовке к экономическому сотрудничеству между мелкими крестьянами и арендаторами [34].

В основу раздела об экономическом кризисе был положен вынесенный на обсуждение делегатов проект, зачитанный Юаром. В него дополнительно включили ряд положений о задачах Советов предприятий (к примеру, наблюдение за безопасностью труда, предотвращение вредного производства, сокращение рабочего времени, составление статистики о производственной деятельности), а также о целях рабочего контроля. «...Конгресс подчеркивает, что такой контроль, конечная цель которого — экспроприация капитализма и взятие предприятий работниками в свои руки, должен осуществляться вне какого бы то ни было сотрудничества с капиталом, а также вне какого-либо контроля и участия со стороны государства, исключительно через деятельность профсоюзов. Этот контроль позволит работникам самостоятельно, без разрушения предприятий, а если необходимо — против них, учиться руководить и управлять предприятиями в социалистическом духе» [35].

Раздел о рационализации был сформулирован в основном по тексту проекта Шапиро, из которого был устранен перечень требований, которые надлежало выдвигать Советам предприятий³⁶. Часть, посвященная сокращению рабочего времени, разработал и представил на рассмотрение делегатов Секретариат АКАТ. Проект констатировал, что безработица может исчезнуть лишь вместе с капитализмом, но сокращение рабочего времени до 6 часов в день без снижения заработка в качестве оборонительной меры и теперь в состоянии вернуть работу миллионам безработных и создать условия для успешного продолжения борьбы трудящихся, снизив физическую и духовную нагрузку на

них. Достижение 6-часового рабочего дня определялось как одна из важнейших и наиболее на стоятельных задач рабочего движения. Проект АКАТ был включен в заключительную резолюцию практически без изменений [37].

Последний раздел экономической резолюции конгресса — «О международной классовой борьбе» — с небольшими сокращениями повторял проект, предложенный Сухи. В нем отмечались значительные изменения в мировом капитализме, происшедшие за последнее десятилетие, прежде всего развитие концентрации капитала, переход от «индивидуального капитализма» к коллективному и возникновение международных картелей и трестов. Эти последние, захватив в свои руки контроль над ресурсами и рынками сбыта, диктуя цены на мировом рынке и порождая постоянное недопотребление трудящихся, превратились в «главного врага рабочего класса». «Международный пролетариат, — говорилось в тексте, — не должен доверять частному капиталистическому хозяйству; он должен путем организованных действий улучшить свое экономическое и социальное положение и противопоставить международным угнетателям международную классовую борьбу и солидарность эксплуатируемых». Было особо подчеркнуто, что такую борьбу следует вести исключительно методами прямого действия. В качестве ее насущных, непосредственных целей в документе назывались: сокращение рабочего времени, введение единых по всему миру ставок заработной платы (осуществимость этой меры горячо обсуждалась на конгрессе) и относительно равноценных условий труда. Задачей на будущее объявлялась мировая социальная революция; подготовка социалистического управления экономикой должна была возлагаться на создаваемые международные отраслевые федерации [38].

Когда Шапиро представил делегатам выработанный общий текст резолюции по экономическим проблемам, Абад де Сантильян зачитал заявление южноамериканских делегаций. Настаивая на различиях ситуации в отдельных странах, южноамериканцы утверждали, что «резолюции, в которых различия касаются не принципиальных вопросов, а тактического применения... не должны иметь обязательного характера». Он просил позволить американским делегатам не голосовать по предложенным резолюциям, тем более что, как добавил Марти, они не могут «голосовать за резолюции, противоречащие либертарному духу». Португальские представители высказались за то, чтобы признать за южноамериканцами право организоваться, как они считают нужным, «не навязывая при этом свою тактику МАТ». После этого делегации 16 стран заявили о своем согласии с решениями по экономическим проблемам (воздержался делегат от Норвегии, не имевший на это мандата). Раздел об экономическом кризисе был вынесен на референдум секций [39].

Оценивая общий ход дискуссии о рационализации и экономических проблемах на мадридском конгрессе, испанский исследователь Хосе Муньос Конгост отмечал, что обсуждение, занявшее две полные сессии конгресса, выявило совпадение мнений в том, что касалось пагубности для трудящихся последствий технического прогресса при капитализме, необходимости сокращения рабочего времени и установления рабочего контроля. Но при этом «обозначились два течения» по вопросу о том, как относиться к проблеме и как ее решать. «Согласие с проектом Шапиро, открыто ратовавшим за рационализацию труда и механизацию, выразили Сухи, Оробон, другие члены Секретариата и Авелино Гонсалес от НКТ. Против этой позиции и в защиту концепции человека, стоящего

в центре производства, выступили Роккер и Сантильян. В от ношении рабочего контроля также выявились две тенденции: сторонники проекта Юара и сторонники РСВКТ (Бенара. — В.Д.), противившиеся включению в него проверки счетов предпринима телей —предложению, которое они считали реформистским и кол лабораторионистским в принципе. Со своей стороны, некоторые делегации сочли оба проекта... авторитарными, поскольку они из начально предписывали пути развития революции», против чего решительно выступали американские секции, в особенности ФОРА [40].

Голосование по проекту реорганизации международного движе ния едва не привело к расколу МАТ. В поддержку проекта Бенара высказались в принципе европейские представители — Рюдигер (ФАУД), Руссо (голландское НСП), ди Соуза (ВКТ Португалии), Василев (болгарские анархо-синдикалисты), Лазаревич (русская анархо-синдикалистская эмиграция), Йенсен (САК) и Гонсалес (испанская НКТ). Правда, некоторые из них сделали ряд оговорок. Так, Рюдигер и Руссо призвали найти более общие формулировки, приемлемые во всех странах, Йенсен заявил, что в Швеции придет ся сделать некоторые изменения при практическом осуществлении резолюции, а Гонсалес, ссылаясь на решение конгресса НКТ, под черкнул, что международные федерации должны иметь исключи тельно «технический и информативный характер». Лазаревич на помнил, что не все рабочие — анархо-синдикалисты, и вновь поставил вопрос о том, должны ли реформисты, социал-демокра ты, коммунисты и другие быть представлены в советах на произ водстве. По этому последнему вопросу вновь проявились расхож дения: голландец Вольтхюйс настаивал на участии синдикалистов в работе производственных Советов, в которых участвуют трудящи еся всех направлений, Бенар считал это «вопросом силы», полагая, что революционные синдикалисты должны там, где они в боль шинстве, навязать свои Советы. Некоторые споры возникли по поводу идеи единого международного членского билета и единых взносов, роли международного Экономического совета и т.д. [41].

Если европейцы в целом единодушно поддержали основные положения проекта Бенара, то южноамериканцы решительно вы ступили против. Их речи звучали непримиримо. Абад де Санти- льян объявил, что АКАТ не может признать предлагаемую резо люцию, отражающую «наполеоновскую тенденцию Бенара» и противоречащую, по его словам, принципам МАТ. Он призвал ев ропейцев осознать ответственность за то, что они совершают. Марти назвал резолюцию диктаторской, «карикатурой капитали стической системы», с которой предлагается скопировать формы профсоюзной организации. Между тем, напомнил он о позиции ФОРА, роль рабочих союзов ограничивается «капиталистическим настоящим», они имеют лишь «предреволюционный характер». Делегат ФОРУ сказал лишь, что не имеет мандата высказываться по этому вопросу.

Французские и испанские представители энергично протесто вали против заявлений латиноамериканцев. Карбо (НКТ) возмущался, что «слабые» секции Америки навязывают свое мнение ос тальным. Гонсалес (НКТ) призывал их «не раскалывать МАТ». Речи становились все более резкими, а ситуация на конгрессе угрожала перерасти в хаос. Чтобы спасти положение, Сухи предложил не принимать на конгрессе решения по проекту Бенара, но вынести его на референдум секций. За это проголосовали 12 делегаций; против выступили только возмущенные такой уступкой делегаты Франции и Испании. Делегат от Норвегии воздержался [42].

Но страсти все еще не улеглись. Разгневанный Бенар огласил заявление французской делегации. Синдикалисты Франции назвали передачу плана реорганизации на голосование секций «псевдореферендумом», результатом «систематической обструкции» и угроз южноамериканцев и попыткой похоронить проект. Они объявили, что прекращают свое участие в работе конгресса и остаются на нем только как наблюдатели [43]. Делегаты Южной Америки не остались в долгу. Они сделали ответное заявление, отрицая наличие каких-либо угроз или давления со своей стороны и осудив авторитаризм французской делегации, выступившей против проведения референдума. Представители американских секций отвергли «оскорбительные выражения» французского заявления и выразили протест против поведения делегации РСВКТ на конгрессе [44]. Международная синдикалистская конференция строителей, заседавшая одновременно с конгрессом МАТ, призвала европейские секции Интернационала приступить к осуществлению плана реорганизации, не дожидаясь итогов референдума.

Спор по экономическим и организационным вопросам помешал участникам конгресса обсудить разногласия по другому, не менее острому пункту об антимилитаризме.

Дискуссионный вопрос о тактике революционного синдикализма в области борьбы против войны и защиты революции не удалось обсудить из-за нехватки времени. Доклад на эту тему («Об интернациональной антимилитаристской работе») был представлен А. де Йонгом. В нем говорилось об угрозе «второго мирового пожара», которая, по мнению автора, возростала в результате экономического кризиса, таможенных и экономических войн и тягот, вызванных несправедливыми мирными договорами. «Нынешний мир, — было заявлено в тексте, — это скрытая война». Призвав «в первый же момент» после объявления войны превратить ее в социальную революцию, представитель МАБ подчеркнул необходимость соблюдать «максимальную гармонию между методами борьбы и конечной целью революции». Де Йонг отвергал христианскую концепцию «непротивления злу насилием» и не оспаривал право пролетариата на вооруженную самозащиту, но делал ряд оговорок. Они сводились, в первую очередь, к опасности использования современной военной техники, включая оружие массового уничтожения. По его словам, такого рода оружие направлено, прежде всего, не против действительного врага (правящих кругов), но против массы населения, причем защититься от него практически невозможно. «Эпоха баррикад миновала», уверял голландский антимилитарист, вооруженное восстание не может само по себе привести к победе, поскольку буржуазия лучше вооружена и подготовлена, а авторитарные социалисты сразу же используют милитаристские структуры для создания нового господства. Милитаризация социальной революции опасна, поскольку ведет к новому, «красному милитаризму», заявлял де Йонг. «Использование оружия, массовые армейские операции требуют центрального руководства, дисциплины и единого командования, иными словами, поддержания как раз тех принципов, которые революция и призвана устранить». Он призвал «найти в себе мужество порвать с традиционными представлениями об использовании оружия» и применять в борьбе синдикалистские, экономические средства: «Всеобщая стачка занимает в пролетарской революции место баррикад в революции буржуазной». МАТ должна была, по его мысли, сопротивляться милитаризму во всех формах и проявлениях, вести антимилитаристскую агитацию, пропагандировать отказ от военной службы и всеобщую забастовку в случае войны [45].

В свою очередь, РСВКТ внесла проект резолюции, в которой суммировалась ее точка зрения на вопросы войны и революции. В нем констатировалось, что «война является злом, свойственным капиталистическому режиму». Угроза ее сохраняется, пока суще ствует капитализм, и может быть устранена лишь вместе с капита листическим режимом. Предполагая, что следующая война может начаться внезапно, без официального объявления, французские синдикалисты предлагали конгрессу объявить, что «единственным практическим средством предотвращения войны является подго товка и проведение социальной революции». К такой подготовке пролетарские организации должны были приступить немедленно, изучая возможность завладеть в случае революции запасами оружия и военными предприятиями. Предполагалось развернуть пропаган ду среди солдат и матросов, с тем чтобы превратить армию и флот или их часть в «организацию обороны революции». При начале революции следовало сразу же вооружить и мобилизовать всех рабочих, захватить запасы вооружения и военные заводы. При проф союзных организациях надлежало создать особые, подотчетные им и контролируемые ими оборонительные структуры (вплоть до Цен трального комитета), которым предстояло создать технические сек ции для изучения военных вопросов, разработки планов обороны революции и революционного наступления на всех уровнях (от местного до общенационального). В связи с этим РСВКТ призва ла решительно осудить «теории, ратующие за разрушение запасов оружия и амуниции» [46].

Конгресс постановил передать вопрос об антимилитаризме и защите революции на обсуждение конгрессов секций МАТ, с тем чтобы они сообщили о результатах этого обсуждения в Секретариат. Предполагалось провести широкую дискуссию по этому вопросу и по представленным проектам в анархо-синдикалистской печати, после чего он должен был быть вынесен на следующий конгресс Интернационала. Одновременно было решено прекратить дискус сию на эту тему в пресс-бюлетене Международной антимилитари стской комиссии и вести ее только в органах МАТ. Де Йонг внача ле протестовал против этого, но затем снял свои возражения [47].

Тем не менее отголоски расхождений проявились на конгрессе при обсуждении работы Международной антимилитаристской ко миссии (МАК). Если голландский делегат Руссо призвал Интерна ционал усилить поддержку, оказываемую комиссии, и увеличить вклад в ее бюджет до 2 тыс. марок, то представитель РСВКТ Юар подверг критике отделение антимилитаристской работы от прочей деятельности Интернационала и обвинил комиссию в том, что она слишком много занимается «мелочами» (например, личным укло нением от военной службы) и подчас высказывает теории, проти воречащие взглядам МАТ. Он требовал принять резолюцию о един стве анархо-синдикалистской работы и ратовал за сокращение взносов Интернационала в бюджет комиссии. Латиноамериканс кий делегат Абад де Сантьян высказался в поддержку МАК и призвал ни в коем случае не сокращать соответствующий взнос МАТ. За увеличение взноса выступила и шведская делегация. Од нако при голосовании это предложение было отклонено: за него подали голоса лишь 5 делегаций, 10 голосовали против, испанская делегация воздержалась. Вместо него прошло предложение Сухи: увеличить взнос на 500 марок в год тогда, когда это позволят сред ства МАТ На пост представителя МАТ в МАК был вновь избран Мюллер-Ленинг [48].

Делегатам конгресса были предложены для обсуждения напечатанные тексты докладов Йенсена «Отношение революционного синдикализма к буржуазной демократии» [49] и Роккера «Опасность национальной идеологии для освободительной борьбы пролетариата» [50]. Дискуссия по проекту резолюции о буржуазной демократии выявила принципиальные разногласия делегатов, хотя акценты за частую расставлялись по-разному. Вольтхюйс (НСП) и Абад де Сантильян (АКАТ) призвали внести дополнения и поправки. Гонсалес (НКТ) напомнил о том, что республиканская демократия может прибегать к столь же репрессивным мерам, что и монархическая диктатура. Заявив, что «подлинные буржуазные демократии опаснее, чем мнимые, поскольку они абсорбируют революционное рабочее движение», он потребовал более четко подчеркнуть социалистическую цель анархо-синдикалистов и «недостаточность демократии». Немец Рюдигер также отметил, что «политическая формальная демократия... может стать орудием фашистских преобразований». Автор доклада Йенсен не отказывался от внесения поправок, но защищал тезис о фашизме как большей опасности для рабочего движения. Он считал необходимым «период демократических свобод и связанных с ними прав для рабочих», потому что именно в это время трудящиеся могут иметь возможность создать органы, нужные для свержения капитализма. «По этой причине, — заявил представитель САК, — демократию следует предпочесть фашизму». Он ратовал даже за «сотрудничество с демократией» с целью борьбы с фашизмом, хотя признавал возможный риск такого сотрудничества.

После того как Шапиро сформулировал изменения некоторых формулировок, резолюция была единогласно принята конгрессом. В ней отмечалось, что анархо-синдикалисты не считают политическую демократию целью, но воспринимают ее как исторически переходящее явление, приспособленное к капитализму, прежде всего на его частной стадии, поскольку переход «к коллективному и монополистическому капитализму... осуществляет новый государственный абсолютизм». Представительная демократия, как форма правления господствующего привилегированного класса, основанная на иллюзии всеобщего избирательного права и ложных представлениях о власти народа, непригодна для социализма. Более того, она «теснее привязывает рабочих к системе буржуазного общества» и «увечивает капитализм». «Либертарное социалистическое общество, — указывалось в резолюции, — требует других форм выражения, в которых больше не присутствует элемент господства». Тем не менее анархо-синдикалисты заявляли, что «по сравнению с другими, деспотическими или диктаторскими формами правления, режим политической демократии может временно и при определенных обстоятельствах означать прогресс», поскольку он предоставляет трудящимся права на собрания и объединение, свободу слова и дает им возможность образовать органы, необходимые для взятия управления производством в свои руки, для замены буржуазной демократии «федералистской общественной системой». Правда, резолюция предупреждала, что этим правам и свободам не следует особо доверять. Ведь «соотношение между демократией и деспотией в длительной перспективе весьма шатко, так что демократия часто — всего лишь скрытая деспотия», и при малейшей серьезной угрозе правящие круги готовы взять все права и свободы назад. Выход усматривался в том, чтобы отстаивать эти завоевания, не принимая одновременно самого принципа политической демократии: «...Права и свободы должны быть укоренены в самом рабочем движении, ведь они могут остаться в неприкосновенности лишь в той мере, в какой сами рабочие организации обладают волей и силой для их защиты». Признав, что «организованный рабочий класс может временно находиться

по одну сторону баррикады с демократическими элементами», «временно и в порядке исключения соединяться с другими направлениями ради сохранения прав и свобод», делегаты тут же подчеркнули, что это должно происходить исключительно «при сохранении полной самостоятельности» и без «принципиального признания политической демократии» [51]. Таким образом, делегаты нашли в этом вопросе компромиссные, обтекаемые и порой даже противоречивые формулировки, которые, однако, позволяли каждому действовать так, как он считал необходимым.

Резолюция об опасности националистической идеологии была утверждена единогласно. Конгресс высказался «против любых националистических теорий и устремлений» как средства «отвлечь трудящиеся классы общества от непосредственной цели их освобождения и помешать развитию новой социальной культуры в духе свободы и социализма». Анархо-синдикалисты рассматривали национализм как порождение «капиталистической системы» и считали обманом любые попытки прикрыть его социалистической фразеологией. Большая доля вины за распространение националистических и шовинистических представлений среди трудящихся возлагалась на рабочие партии и их «профсоюзные придатки». Особому осуждению подверглись расизм, расовые теории и колониальное угнетение. Подлинная защита интересов рабочих не привязана к конкретным государственным и национальным границам;

«миру капитализма и национальных государств следует противопоставить союз организованного труда всех стран». Рассматривая весь земной шар как «единую экономическую зону», чьи естественные богатства должны находиться в распоряжении всех, синдикалисты выдвинули лозунг «интернационализации» всех сырьевых зон, считая это «единственным средством практического осуществления социализма». Делегаты конгресса выразили готовность способствовать привлечению колониальных народов к «великому союзу борющихся рабочих». Резолюция, естественно, не предполагала поддержки идеи создания новых национальных государств, но признавала за каждой группой людей право на особую «культурную и социальную деятельность» как основу будущей всеобщей федерации и всеобщей культуры [52].

Напротив, предложенный португальской ВКТ, антиклерикальный по своей сути проект резолюции «Отношение революционного синдикализма к реакции в области культуры» не получил поддержки на конгрессе. Представленный текст содержал резкую критику церкви, ее влияния в культурной и духовной жизни, навязывания трудящимся «покорности божественному... авторитету» и отвлечения их от борьбы за свои права с помощью обещания «вечной жизни». «Культурная и духовная реакция» обвинялась в поддержке капитализма, государства, фашизма, национализма и войны, в преследовании передовой науки, культуры и свободного образования. Проект призывал революционные профсоюзы к борьбе против «реакции в области культуры», которая представляла опасность для дела социального освобождения трудящихся, и ратовал за всемерную помощь либертарным пропагандистским группам и организациям «пролетарских свободомыслящих». Наряду с этим в проекте предусматривались такие конкретные требования, как немедленная отмена всех государственных субсидий церкви; конфискация имущества, перешедшего в руки церкви, и его использование в общественных целях; устранение влияния церкви на школу и детей до 16 лет, устранение религиозного образования; ликвидация всех привилегий

церкви в области работы с молодежью, больничной сфере и т.д.; отмена государственных религиозных праздников, законов в защиту церкви от ее противников, религиозных ссылок в юриспруденции и праве, религиозной цензуры; лишение церкви статуса субъекта публичного права и т.д. [53].

При обсуждении проекта резолюции в поддержку его выступил только немецкий делегат Рюдигер. Остальные сочли его либо слишком умеренным, либо, напротив, излишним. Так, Юар (РСВКТ) критиковал то обстоятельство, что в документе предусматриваются поддержка несиндикалистских организаций свободомыслящих и меры законодательного характера, взывать к которым анархо-синдикалисты не должны. Его поддержали на сей раз латиноамериканские представители Абад де Сантьян и Марти. Делегат НКТ Испании Гонсалес отверг резолюцию целиком, заявив о тщетности попыток улучшить существующее государственное образование; по его мнению, всю нынешнюю систему образования следовало сломать и заменить новой, свободной. Другой испанский анархо-синдикалист Орбон Фернандес назвал проект не конструктивным, а оборонительным. Он призвал разработать текст, который продемонстрировал бы, как пролетариат «должен защищаться от культурной реакции». С другой стороны, голландец Руссо вообще выступил против обсуждения этого вопроса, сославшись на то, что в Нидерландах действует множество конфессий, и есть даже религиозные анархисты. Не важной для его страны считал проблему швед Йенсен. Португальский делегат от Союза также высказался за снятие вопроса с повестки дня, объявив о несогласии с мнением своей организации — ВКТ. Когда стало ясно, что «МАТ будет трудно найти общую линию», было решено отказаться от обсуждения борьбы с «реакцией в области культуры» на конгрессе и предоставить эту тему на рассмотрение отдельных секций Интернационала⁵⁴. В конце работы конгресс успел обсудить еще ряд вопросов, связанных с пропагандистской деятельностью. Он принял предложенные Юаром проекты о пропаганде среди работниц и молодежи. Предусматривалось, в частности, расширение просветительской работы среди женщин, а также создание секциями организаций синдикалистской молодежи. Секциям МАТ рекомендовалось регулярно присылать в Секретариат отчеты по женскому и молодежному вопросам⁵⁵. По просьбе голландского профобъединения, было признано его право на ведение за счет МАТ пропаганды в Бельгии (по согласованию с бельгийской организацией). Испанец Карбо призвал дополнить Статуты положением о немедленном смещении любого активиста, занимающего пост в секции МАТ, если он ведет политическую пропаганду, которая «находится в противоречии с принципами МАТ». При этом смещенный сохранял, «как наемный работник», право остаться членом анархо-синдикалистского рабочего союза. По предложению Абада де Сантьяна, этот пункт не был включен в Статуты, но принят как отдельная резолюция «Отношение МАТ к другим политическим течениям» [56].

Живший в Бельгии российский анархо-синдикалистский эмигрант Лазаревич передал конгрессу МАТ просьбу 3 тысяч бастовавших бельгийских печатников об оказании им материальной поддержки. Рабочие не входили ни в одно из международных профсоюзных объединений и требовали сокращения рабочего времени, повышения зарплаты и предоставления оплачиваемых отпусков. Реакция делегатов была осторожной, скорее даже негативной. Юар (РСВКТ) осудил неприсоединение союза печатников к международным профобъединениям, назвав их «индивидуалистами». Поддержанный немцем Виндхоффом, он напомнил также, что «стачки выигрываются не одними только деньгами», но

взаимопомощью. По предложению Сухи, Йенсена и Юара, конгресс постановил призвать секции предпринять сбор средств в помощь бастующим, но одно временно направить им письмо с призывом присоединиться к МАТ и делать упор в борьбе не на финансовую поддержку, а на акции солидарности [57].

Наконец, мадридский конгресс постановил изменить структуру Секретариата МАТ, что должно было сделать его работу более гибкой, децентрализованной и эффективной. По предложению Сухи, было единогласно решено создать особый «латинский Секретариат» в Испании. Идеи Шапиро и Бенара об образовании франкоязычного Секретариата во Франции и Абада де Сантьяго о Секретариате для Балканских стран и Восточной Европы одобрили в принципе, но сроки их реализации должны были зависеть от финансовых возможностей Интернационала. Секретарей этих новых органов предстояло назначить секциям тех стран, в которых они располагались (с последующим утверждением МАТ). Что касается собственно Секретариата МАТ, то РСВКТ настаивала на принципе периодической смены его членов, но так и не готова была предложить новых кандидатов. В результате участники высказались за избрание нового состава Секретариата на каждом конгрессе, но на сей раз Сухи был единогласно переизбран секретарем МАТ; штаб-квартира по-прежнему должна была размещаться в Берлине [58]. По инициативе Шапиро конгресс постановил создать еще один интернациональный орган — Международный экономический совет минимум из 5 членов. В его задачи входило «изучать экономические и политические проблемы современности с точки зрения Международной ассоциации трудящихся, извлекать из этого выводы для борьбы против капитализма и государства и, на сколько возможно, вырабатывать общую тактику». Председателем совета избрали Роккера; других его членов предстояло определить отдельным секциям МАТ. В работе Секретариата Интернационала в Берлине, помимо Сухи, должны были участвовать председатель Экономического совета Роккер и немецкий член Бюро МАТ [59].

Закрывая мадридский съезд анархо-синдикалистского Интернационала, Роккер выразил удовлетворение его ходом, но попытался сгладить проявившиеся противоречия между европейцами и южноамериканцами. Он напомнил о том, что международное движение синдикалистов не является церковью с единым взглядом по всем вопросам. С одной стороны, «определенные формы организации нельзя без разбора равномерно перенести на все страны, особенно если там еще нет для этого экономических условий». С другой, Роккер призвал секции в Южной Америке понять те условия, которые побудили европейских синдикалистов предпринять те меры, которые им кажутся необходимыми. «Нет ничего абсолютно совершенного, — говорил он, — и потому различия во мнениях по различным вопросам между людьми, которые стремятся к одной и той же цели, должны разрешаться с взаимной терпимостью в интересах общего дела» [60]. Это, конечно, не устранило противоречий, но по-прежнему позволило различным течениям сосуществовать в рамках Интернационала. Завершением конгресса стали торжественные проводы делегатов, организованные тысячами испанских рабочих в помещении театра Мадрида.

МАТ после мадридского конгресса

Основные надежды международного анархо-синдикализма после падения монархии в Испании и стремительного роста НКТ были связаны теперь с движением в этой стране. «Подъем нашего испанского движения, — говорилось в отчете Секретариата МАТ за 1931 г., — означал не только численный рост, но и прежде всего моральное усиление наших позиций в международной области. В течение длительного периода времени, который теперь остался позади, Международная ассоциация трудящихся вынуждена была ограничиваться отстаиванием собственных позиций, поскольку как раз в тех странах, где синдикалистское движение было прежде сильным и влиятельным, таких как Испания, Италия, Португалия, царили реакция и фашизм. В этих обстоятельствах Международная ассоциация трудящихся была не в состоянии опробовать свои особенные методы борьбы и цели, которые отличают ее от других рабочих организаций».

«В 1931 г. это изменилось с подъемом испанского синдикализма, — утверждал Секретариат МАТ. — Окруженный миром реакции и упадка рабочего движения, испанский пролетариат под руководством синдикалистской Конфедерации является, так сказать, единственным активным постом международного пролетариата. Синдикализм, нашедший свое международное выражение в МАТ, сегодня, по причине событий в Испании, оказался в центре внимания революционного крыла рабочего движения; он начинает становиться популярным, его методы борьбы и конечные цели больше нельзя игнорировать». Вот почему МАТ «в 1931 г. посвящала основную свою деятельность содействию испанскому синдикализму, исходя из мнения, что победа испанского синдикализма имеет самое большое значение для ее дальнейшего развития» [61].

Положение в Испании обсуждалось практически на всех заседаниях Секретариата МАТ. Уже в марте 1931 г. он провел расширенное заседание для обсуждения доклада представителя НКТ. В страну был направлен представитель Интернационала; он работал вместе с испанскими товарищами и присылал регулярные отчеты в Секретариат МАТ [62].

Приветствуя конгресс НКТ в июне 1931 г., секретарь МАТ Роккер напомнил о надежде анархо-синдикалистов всего мира на Испанию и заявил, что «самая большая опасность, которая грозит сегодня НКТ в Испании, — это демократическая опасность». Представление о возможности решения проблем при капиталистическом режиме — это ловушка, которая грозит отвлечь рабочих от борьбы. Никогда не следует упускать из виду цель — социальную

революцию и либертарный коммунизм [63].

По настоянию МАТ были проведены документальные съемки конгресса НКТ и снятые кадры предоставлены секциям Интернационала для пропагандистского использования. В Германии показ фильма был запрещен: власти сослались на то, что испанский анархо-синдикализм стремится к насильственному свержению существующего строя [64].

Особое внимание, которое уделялось Испании, нашло отражение в постановлении Мадридского конгресса Интернационала в 1931 г. о создании особого Иберийского секретариата, который должен был публиковать регулярные отчеты на испанском и французском языках, каждые две недели рассылать пресс-бюллетень, вести пропаганду на Португалию, а также оказывать поддержку пропагандистской работе итальянских синдикалистов [65].

МАТ с осторожностью отнеслась к разногласиям в НКТ между «радикалами» и «трентистами». Опубликовав «Манифест 30-ти», редакция бюллетеня Интернационала оговаривалась, что «между обоими направлениями не существует принципиальной разницы в отношении к государству, авторитету, парламенту, милитаризму и т.д. Оба они —приверженцы либертарного коммунизма». «Пока еще нельзя абсолютно точно быть уверенным, какое направление станет ведущим», —отмечалось в бюллетене МАТ в октябре 1931 г.⁶⁶ Секретарь МАТ Сухи усматривал сущность расхождений в тактических вопросах: «более радикальное течение придерживается мнения, что следует использовать любую возможность, чтобы с помощью насильственного акта вызвать начало революции», в то время как «трентисты» считают, что «социальную революцию нельзя осуществить без основательной подготовки профсоюзов». Секретариат в течение нескольких месяцев пытался с помощью переписки «оказать влияние на оба направления», чтобы «вновь соединить» их. Для этого он считал необходимым «сделать предложение, которое могло бы послужить обоим направлениям в качестве основы. Занятие подготовкой к социальной революции лучше всего помогло бы преодолеть разногласия между обоими направлениями» [67].

В связи с проведением в Мадриде 12 декабря 1931 г. пленума региональных федераций НКТ возник план провести по окончании этого собрания также пленум Бюро МАТ. Но он не был осуществлен, поскольку некоторым секциям не хватило средств для отправки делегатов, а другие столкнулись с паспортными проблемами. Тем не менее, секции МАТ высказались за посылку в Испанию делегата, а консультации Секретариата с членами РСВКТ и с Шапиро показали, что никто из них в тот момент был не в состоянии поехать. Поэтому было решено, что делегатом Интернационала на пленуме НКТ будет секретарь МАТ Сухи. Его поездка продолжалась с 11 декабря 1931 г. до начала января 1932 г. Перед ним стояло несколько задач. Прежде всего, надлежало выяснить, почему не выполняются возложенные на него функции Иберийский секретариат, который со времени Мадридского конгресса не разослал ни одного номера бюллетеня. Секретарь МАТ намеревался также добиться увеличения взносов НКТ в МАТ (испанские анархо-синдикалисты постановили перечислять всего по 500 песет в месяц, и Секретариат неоднократно призывал в письмах увеличить эту сумму), получить дополнительную информацию о конфликте между сторонниками ФАИ и «трентистами», а также «серьезно попытаться преодолеть противоречия между обоими

течениями и восстанавить гармонию» [68].

Выступая на пленуме НКТ, Сухи обратил внимание участников на то, что решения конгресса МАТ относительно деятельности Иберийского секретариата не были выполнены, бюллетень не издавался. Он связал это с чрезмерной нагрузкой, которая лежала на секретаре Пестанье. Кроме того, Сухи призвал увеличить взносы НКТ в Интернационал, заявив, что в противном случае окажется «под угрозой само существование МАТ». Он напомнил о том, что МАТ оказывала помощь НКТ во время диктатуры в Испании, а также о том, что аргентинская секция разгромлена и не в состоянии уплачивать взносы. Участники пленума выразили понимание, однако заявили, что они не в состоянии определить размеры будущих взносов. Пленум постановил передать этот вопрос Национальному комитету для нахождения решения по согласованию с Секретариатом МАТ. После бесед с Пестаньей, делегатами от регионов и поездки по стране Сухи пришел к следующему выводу: «вопрос о взносах НКТ в МАТ не может быть решен с сегодня на завтра», поскольку сам Национальный комитет получал меньше денег, чем могла бы потребовать от него МАТ. Он выразил надежду на то, что «путем длительного давления, постоянной обработки не только Национального комитета НКТ, но и активистов и членов профсоюзов на местах с целью добиться уплаты интернациональных взносов можно в течение нескольких месяцев добиться повышения взносов в пользу МАТ». Однако, предупреждал он в своем отчете, «не следует питать слишком большие надежды». Важно при этом увеличить и внутренние взносы. Секретариат Интернационала направил соответствующий призыв к НКТ, который должен был быть опубликован в бюллетене Конфедерации. Кроме того, НКТ были посланы 200 тыс. членских марок МАТ для добровольной покупки.

Пленум принял к сведению разъяснения Сухи в отношении Иберийского секретариата. Однако участники выразили доверие Пестанье и поручили ему временно возглавить Иберийский секретариат до следующего конгресса МАТ, который был намечен на май 1932 г. Пестанья пообещал привлечь к этой работе еще одного активиста — Гибанеля. Сухи обсудил с Пестаньей детали будущей работы и договорился с иностранными анархистами в Барселоне об их помощи в организации перевода текстов и материалов [69].

Беседы секретаря МАТ с представителями течений внутри НКТ в Каталонии («фаистами», «трентистами» и «нейтралами») выявили, что между ними «в настоящее время существует лишь весьма слабая связь, проблемы почти никогда не обсуждаются совместно и следствием является все большее отчуждение, вместо сближения. В то время как одни собираются в одном кафе, другие собираются в другом».

«Тридцатка» обвиняла своих противников в организации неподготовленной и заведомо проигрышной всеобщей стачки в Барселоне не в попытке подобными безответственными действиями спровоцировать социальную революцию, в стремлении использовать рабочие союзы как орудие для достижения собственных политических и социальных целей. Признавая ситуацию в стране революционной, она считала данный момент для начала революции неподходящим. Представители этого течения упрекали своих противников в том, что те якобы сводили подготовку революции исключительно к военным аспектам. «Фаисты», напротив, обрушились на «трентистов» за срыв стачки в Барселоне, в том числе за приуроченную к ней публикацию «Манифеста 30-ти», за то, что они помешали вы

ступлению распространиться на всю страну и за продолжающиеся контакты с каталонскими властями. Считая революцию назревшей,

«радикалы» выступали за эскалацию социального конфликта и за являли, что они также за всестороннюю подготовку революции во всех областях и занимаются этим вопросом. Наконец, «нейтралы», занимавшие промежуточные позиции, заявили Сухи, что согласны с рядом положений «Манифеста», но считают момент его публикации неподходящим.

Секретарь МАТ пришел к заключению, что «никаких принципиальных и непреодолимых тактических противоречий нет. Если бы удалось отодвинуть на задний план личные антипатии или противоречия, появилась бы возможность для объединения обоих направлений». Сухи надеялся на сближение и воссоединение «на основе решений пленума» НКТ. Он принял решение провести встречу представителей обоих направлений под своим руководством. «Фаисты» ответили согласием, Пестанья и большинство других его сторонников ответили отказом. Сухи удалось убедить Пейро в необходимости встречи и принятия совместного манифеста. 25 декабря 1931 г. собрались 20 «фаистов», некоторое количество «нейтралов», но только двое «трентистов», включая Пейро. «Среди явившихся товарищей царило большое ожесточение в связи с тем, что от товарищей из «30-ти» не явилось достаточно представителей; особенно осуждалось отсутствие товарища Пестаньи... —вспоминал Сухи. — Было решено перенести заседание на следующий вечер». Все утро следующего дня Сухи уговаривал «трентистов» прийти на запланированную встречу. Собрание началось вечером 26 декабря и продолжалось до утра 27-го. Среди «фаистов» были Гарсиа Оливер, Аскасо, Аролас, Ви сенте Перес, Ривас, Кастильо и др. «Тридцатка» была представлена Пейро, Пестаньей, Сидом, Пиньоном и др. Из «нейтралов» присутствовали Карбо, Ховер, секретарь профсоюза металлистов Барселоны Техедор, Хосе Гомес, Пиаха Санчес и другие. Общее число участников достигало 100 человек. Заседание открыл Сухи, напомнивший о большой ответственности испанских анархо-синдикалистов перед международным движением и социальной революцией в собственной стране. Назвав расхождения во взглядах внутри НКТ непринципиальными, он призвал собравшихся «объединиться ради совместной борьбы». Участники встречи выступали с критическими замечаниями, говорили о различных интерпретациях и тенденциях, обсуждали вопрос о революционной ситуации и возможности общего пути и совместных действий. Было предложено, чтобы собрание выпустило манифест к пролетариату Каталонии и всей Испании, который бы подписали представители обоих направлений. Подписать документ согласились все, кроме Пестаньи [70].

После заявления Пестаньи, свидетельствовал Сухи, «возникла напряженная ситуация. Дискуссия теперь обострилась, и если весь вечер дискутировали чрезвычайно спокойно и чисто по-деловому, то теперь грозил личный спор. В конце концов наступило успокоение, Пейро заявил, что хочет подписать манифест, но если со стороны товарищей из ФАИ будут снова предприняты необдуманные действия, он намерен уйти из движения. Наконец, под общим давлением Пестанья заявил, что тоже хочет подписать манифест. Вместо того чтобы удовлетвориться заявлением Пестаньи, Карбо объявил: он вынужден констатировать, что Пестанья еще несколько минут назад заявлял, что не желает подписывать манифест, а теперь готов подписать. Это замечание Карбо не могло иметь иного воздействия, кроме унижения Пестаньи. К счастью, Пестанья не поддавался на это.

Карбо было поручено разработать манифест и пред ставить его на следующее заседание. Для созыва этого нового заседания были назначены два нейтральных товарища». После это го, считая свою миссию выполненной, Сухи покинул Испанию [71]. Однако в итоге попытки примирения провалились. «Совместный манифест» так и не был подписан представителями двух течений, но был издан как материал собрания Национального комитета НКТ [72]. После подавления всеобщей стачки и восстания в январе 1932 г.

МАТ направила протест против депортации революционных рабо чих Испании [73].

Пленарная конференция Интернационала, которая состоялась в апреле 1932 г. в Берлине, избрала новый состав Секретариата в составе Роккера, Шапиро, Мюллера-Ленинга, Карбо и Сухи с ре зиденцией в Берлине. Подводя итоги работы за время, прошедшее со времени мадридского конгресса, секретари МАТ отметили уста новление контактов с новыми группами и активистами в Литве, Чехословакии и Бельгии. Напротив, связи с организациями в Вен грии и Китае прервались — в первом случае из-за репрессий, во втором — из-за гражданской войны в этой стране. Стремясь рас ширить отношения с североамериканскими ИРМ, чей конгресс отклонил предложение союза работников морского транспорта о присоединении к Интернационалу, Секретариат МАТ подготовил специальную брошюру на английском языке о МАТ и синдикализ ме, рассчитанную на активистов ИРМ. (Большая часть тиража про пала в 1933 г. в Берлине после захвата власти нацистами [74].)

В июле 1932 г. Секретариат МАТ вернулся к вопросу об орга низации работы в связи с угрозой репрессий и ухудшением поло жения в различных странах. Из-за растущей фашистской опасно сти в Германии было решено подготовить меры по переезду из этой страны и спасению архивов Интернационала [75]. Секретариат счел нужным направить в Испанию Александра Шапиро, с тем чтобы тот принял участие в реорганизации Иберийского секретариата МАТ. Карбо отправился в Барселону в октябре 1932 г. и возглавил этот орган. Одновременно в октябре приступил к работе новый Секретариат в Берлине [76].

Приехав в Испанию 16 декабря 1932 г., Шапиро застал там в полном разгаре подготовку к всеобщей стачке и вооруженному выступлению [77]. Оценивая события, связанные с восстанием в ян варе 1933 г., Шапиро резко критиковал деятельность органов НКТ. Он усматривал ошибки в давлении на железнодорожников с целью проведения стачки, в сращивании структуры НКТ с комитетами защиты и ФАИ, в действиях Национального комитета Конфедера ции (НК). «Три группы со всей очевидностью несут ответствен ность, — писал он в отчете. — Прежде всего, национальный ко митет железнодорожников. Он должен был выполнить решение своего конгресса в Мадриде об объявлении всеобщей стачки», а если полагал, что это решение не соответствует настроениям мас сы членов, то обязан был созвать чрезвычайный конгресс. «То, что национальный комитет железнодорожников не справился, оказалось пагубным, не только в силу вызванной этим деморализации в рядах НКТ, но и прежде всего потому, что НКТ немедленно при ступила к необходимой подготовке широкомасштабного революционного движения по требованию самого конгресса железнодоро жников». «Во-вторых, — продолжал Шапиро, — следует подчер кнуть ответственность НК НКТ. Он позволил комитетам защиты обойти себя и поддался влиянию со стороны различных анархист ских товарищей, которые в значительной части являются личны ми друзьями членов НК». Комитету следовало, по его мнению,

решительно и «любой ценой» пресечь планы выступления, но он «оказался слишком слаб. Более того, он полудобровольно поддержал комитеты защиты, вместо того чтобы заставить их поддержать Конфедерацию. Он сам хотел движения, но не желал брать на себя ответственность за него». Наконец, в-третьих, Шапиро возлагал ответственность на анархистов, которые, по его оценке, «вообще не знали, что может означать революционное движение», и, увлекаемые «субъективным нетерпением», хотели, без учета реальных условий и интересов НКТ, «сделать социальную революцию» посредством государственного переворота [78].

Секретари МАТ Шапиро и Карбо от имени Секретариата МАТ в целом направили 17 января 1933 г. в адрес НК НКТ доклад со своими соображениями о происшедших событиях. В документе отдавалось должное памяти «жертв кровавых репрессий», их мужеству и героизму, однако утверждалось, что они «частично стали жертвами ошибки». Секретари МАТ заявляли: «...НКТ должна категорически объявить, что она окажет сопротивление любой организации и любому органу, которые выходят из-под ее постоянного и прямого контроля — какими бы высокими ни были моральные качества людей, входящих в эти организации и органы, в их стремлении организовать широкомасштабное революционное действие, поражение которого —неминуемое, принимая во внимание общее положение рабочего класса, —окажет печальное воздействие на организации и ход борьбы пролетариата». (По настоянию членов НК, формулировка «окажет сопротивление... в их стремлении организовать...» была заменена на более мягкую: «советует... не организовывать...».) Секретари призывали НКТ «заявить всему миру, что только она одна, как представитель организованного пролетариата, имеет право и обязанность подготовить, организовать и начать социальную революцию, не имея нужды в том, чтобы делегировать эти полномочия какой-либо инстанции, не являющейся ее составной частью». Любое иное выступление, по их мнению, было бы лишь государственным переворотом, неизбежно ведущим к диктатуре.

Кроме того, секретари МАТ вновь обращали внимание на необходимость подготовки к революции, успех которой зависит «не от количества изготовленных бомб и накопленного оружия», а от решимости и активности самих масс. Поэтому НКТ следовало, по их мысли, сосредоточить свои усилия и финансовые средства на каждодневной борьбе, на «распространении идей и практических возможностей либертарного коммунизма» и на решении проблем построения нового общества. Они рекомендовали укрепить организацию НКТ, как можно быстрее созвать очередной конгресс, на котором утвердить «ясную и четкую линию социальной и экономической реконструкции на основе либертарного коммунизма»,

«покончить с внутренней борьбой, которая в настоящий момент ослабляет НКТ морально и материально», а также подтвердить цель —достижение либертарного коммунизма и средства —социальную революцию, первыми моментами которой будут всеобщая стачка и восстание. Такой конгресс, подытоживали секретари МАТ, оказал бы огромное влияние на развитие революционных сил во всем мире [79].

Письмо Секретариата было зачитано и обсуждено на заседании НК НКТ 17 и 20 января и на специальном заседании 22 января 1933 г. Однако Шапиро считал меры, принятые

испанской организацией, недостаточными. Он рекомендовал ликвидировать комитеты защиты и взамен образовать на всех уровнях революционные комитеты, подотчетные соответствующим органам НКТ. Секретарь МАТ вновь призвал испанских товарищей разработать четкое представление о путях перехода к новому обществу. «То, чего еще не хватает массам, не хватает членам, — это концепция формы, которую должен принять идеал либертарного коммунизма в повседневной жизни, — писал он. — Товарищи чувствуют идеал, но не про думывают его... Интуитивно начинают понимать практические трудности революции. А осознать эти трудности уже означает сделать первый шаг к необходимости предвидеть и устранить их. С этого начинается развитие первых зерен организации революции» [80]. Комментируя внутреннюю борьбу в испанском анархо-синдикализме, Шапиро приветствовал успехи ФАИ в изгнании коммунистов с руководящих постов в ряде синдикатов, но считал ошибочной тактику ее работы в НКТ как целом: «По моему мнению, было бы дос таточно, если бы все анархисты, организованные в НКТ, вели пропаганду внутри соответствующих профсоюзов <...>, чтобы про тиводействовать инфильтрации реформизма... Но наши товарищи из ФАИ... считали, что ФАИ как ФАИ имеет право и обязанность официально и в организованном порядке включиться в разнообраз ную деятельность Конфедерации, ее национальных, региональных и местных органов. Вся последующая борьба, все внутренние раздоры, которые со времени конгресса 1931 г. раздирали НКТ, восходят к этому вмешательству». Шапиро утверждал, что ФАИ не дискутирует анархистский идеал, а «верит» в него, пытается его «навязать» и считает, будто для свершения революции достаточно «провозгласить» ее. Он полагал, что в НКТ и в ФАИ «не об суждаются серьезно проблемы революции», мало делается для практической подготовки к новому обществу. Секретарь МАТ вы ражал надежду на то, что поражение 8 января заставит изменить отношение к этому вопросу, что ФАИ сумеет исправить свои ошибки и найти решение в рамках «полной независимости НКТ — органа практической организации революции — от ФАИ — органа пропаганды идей анархо-синдикализма и антиавторитарного ком мунизма» [81].

Что касается позиции «трентистов», то Шапиро находил «по большей части весьма обоснованными» их представления о том, что с установлением Республики «революционный период следует рассматривать как на время завершившийся» и необходимо «посвя тить себя организации кадров Конфедерации». Он сетовал даже на то, что НКТ уделила этим соображениям «слишком мало внима ния». Однако секретарь МАТ выражал озабоченность сотрудничеством лидеров умеренных с буржуазными политиками, особенно каталонскими, и неизбежно вытекающими отсюда компромиссами. Он считал ошибочным и неподходящим «психологический момент» публикации «Манифеста 30-ти». Наконец, Шапиро при знавал, что «некоторые элементы» трентистов «перешли на ложные рельсы чистого синдикализма, синдикализма без определенной цели», в результате чего «развился реформистский дух», прикрытый «революционной фразеологией», своего рода «реформистский ли бертарный коммунизм». Он осудил попытки «спасти НКТ извне» с помощью создания отдельных от нее синдикатов и «Либертарной синдикалистской федерации» для ведения организованной пропа ганды в профсоюзах, наподобие компартии и ФАИ [82]. В январе 1933 г. Шапиро направил в редакцию органа «трентистов» «Культура либертария» письмо, в котором вновь критиковал «чистый синди кализм» и призывал их четко сформулировать свою позицию по вопросу о революционном положении страны и о реформистских требованиях. Он защищал представления о роли революционного меньшинства (каким являлась и сама НКТ), осуждал

голосование части анархистов за республику в 1931 г. и утверждения «трентис тов» о том, что следовало принять участие в выборах в Каталонии в ноябре 1932 г. Шапиро заявил о том, что борьба обеих фракций бесплодна [83]. В конечном счете секретарь МАТ призвал обе фракции к «самокритике» и возлагал надежды на тех членов НКТ, которые не входили в них. «Испания сегодня — безусловно, очаг революции, — подытоживал он. — Этот огонь не погаснет. Но он плохо поддается. Он нерегулярен и плохо горит». Шапиро критиковал работу НКТ как слишком формальную и безынициативную по отношению к решениям конгрессов и пленумов, низводя себя до роли простого корреспондентского бюро. НКТ должен в большей мере выполнять координирующие функции, считал он. (В 1936 — 1938 гг. руководство НКТ так и сделает, и тот же Шапиро станет обвинять его в нарушении принципов федерализма.) Секретарь МАТ призвал также улучшить работу печати НКТ и ее редактуру [84]. Вторая страна, положению в которой анархо-синдикалисты уделяли самое пристальное внимание, была Германия, где к власти прорывались национал-социалисты. В 1932 г. почти во всех номерах бюллетеня МАТ публиковались материалы членов ФАУД (особенно секретаря МАТ Сухи) о событиях в этой стране. Синдикалисты могли лишь констатировать слабость сил рабочего сопротивления и недееспособность политических партий в борьбе с фашизмом. Единственную, хотя и тщетную надежду они возлагали на самостоятельное прямое действие трудящихся.

Общие боевые лозунги и требования Интернационала, как и прежде, формулировались в первомайских манифестах МАТ. В 1932 г. Секретариат призвал трудящихся протестовать против подготовки всеми государствами новой мировой войны и действий японского империализма на Дальнем Востоке, добиваться созыва в каждой стране рабочих конгрессов с целью разработки радикальных мер по предотвращению войны и саботированию транспортировки оружия на Дальний Восток, проводить демонстрации против террора и фашизма, социальных репрессий, экономического рабства трудящихся и наступления на последние остатки их прав, требовать освобождения политзаключенных, в частности арестованных революционеров в СССР. В экономической области МАТ выступала за вовлечение всех трудящихся в процесс производства, за распределение труда между всеми, за сокращение рабочего времени, экспроприацию имущих классов, возобновление работы закрытых предприятий, организацию общественных работ коммунами. Анархо-синдикалисты продолжали пропаганду всеобщей стачки [85].

МАТ пыталась организовать международную солидарность с забастовками трудящихся отдельных стран. В связи со стачкой и увольнением 15 тысяч рабочих табачной промышленности на Кубе, она поддержала призыв профсоюза Сантьяго-де-Куба бойкотировать кубинские табачные изделия⁸⁶. В 1932 г., во время крупной забастовки бельгийских шахтеров против снижения зарплат, Интернационал опубликовал воззвание, призвав бельгийских рабочих к всеобщей стачке солидарности, а шахтеров, транспортников и железнодорожников Германии — к тому, чтобы не помогать срыву стачки⁸⁷. Анархо-синдикалисты пропагандировали методы «польской забастовки» — стачки с захватом предприятий рабочими⁸⁸.

МАТ продолжала поддерживать революционеров в различных странах. Так, в 1931 г. Секретариат Интернационала присоединился к обращению Анархистской федерации Польши, которая в связи с продолжавшимися репрессиями властей призвала к демонстрации

ям и протестам перед польскими представительствами и к бойкоту польских товаров⁸⁹. Секретариат обращался также с призывом к рабочим мира с просьбой предпринять действия в защиту преследуемых рабочих-анархистов в Аргентине [90].

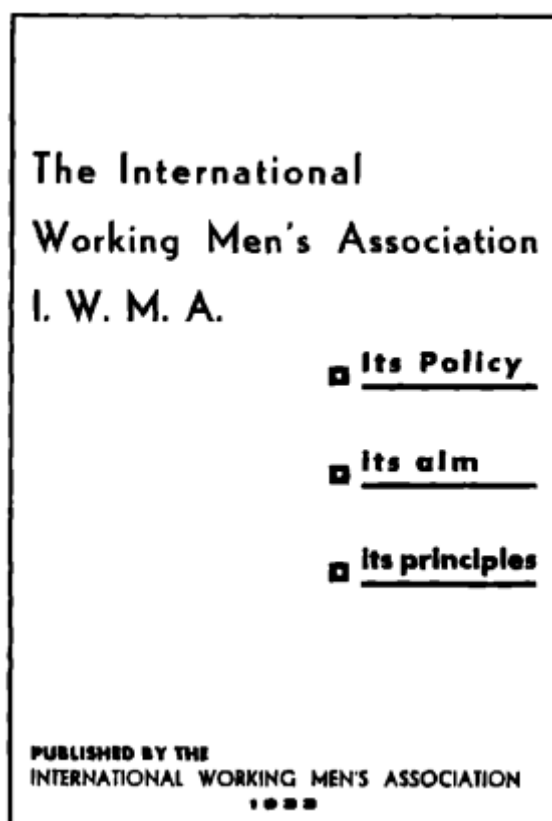
Экономический кризис по-прежнему затруднял сбор средств в фонды солидарности МАТ. Во многих странах собранные деньги приходилось тратить на внутренние нужды, а просьбы о помощи поступало больше, чем имелось наличных денег. Секретариату пришлось перечислить на это средства из кассы Интернационала. Была оказана помощь норвежской, аргентинской и итальянской секциям. Действовавшая в условиях подполья после переворота 1930 г. ФОРА получила деньги на поддержку преследуемых и на развитие организации, УСИ — на судебную защиту своих членов и поддержку семей заключенных [91]. В траурном заявлении по случаю смерти Эррико Малатесты МАТ вновь приветствовала УСИ, «итальянских товарищей, арестованных, высланных и сосланных муссолиниевским фашизмом», всех тех, кто рассеян, но продолжает борьбу [92]. Итальянские анархосиндикалисты просили Интернационал о предоставлении им помощи в размере 500 лир ежемесячно и 100 лир на материалы. Секретариат готовился предоставить в распоряжение УСИ пишущую машинку и ротатор, имевшиеся в Берлине, но они были конфискованы нацистами после захвата власти в 1933 г. [93].

Бюллетень МАТ информировал о новых репрессиях в Советском Союзе⁹⁴, а фонд помощи заключенным в России неоднократно обращался с призывом к сбору средств [95]. Деньги собирались не только секциями МАТ, но и в тех странах, где не было организаций Интернационала. Всего в 1931 г. на поддержку заключенных и сосланных революционеров в России было истрачено 8 тыс. немецких марок, из которых 2 тыс. предоставили члены секций (в особенности немецкой, испанской и французской) и Секретариат МАТ⁹⁶. В 1933 г. Фонд помощи перенес свою деятельность в Голландию.

В 1931 г. удалось добиться освобождения из лагеря в Суздали итальянского анархиста Франческо Гецци⁹⁷. Секретариат организовал кампании в поддержку другого итальянского либертария А. Петрини, который был также арестован в Советском Союзе и отправлен в Соловецкий лагерь⁹⁸. В 1932 г. Петрини удалось освободиться из лагеря, но он остался в ссылке. МАТ продолжала добиваться свободы для всех политзаключенных революционеров в СССР и осуждать большевистский режим, как она это сделала еще раз в воззвании к 15-летию Октябрьской революции [99].

В то же самое время Секретариат МАТ направил телеграмму премьер-министру Венгрии, протестуя против казни двух коммунистов Э. Салаи и А. Фюршта и требуя освобождения других осужденных членов компартии. «Мы считаем, что международная солидарность не должна ни ограничиваться вопросом партийной или организационной принадлежности, ни зависеть от него, — говорилось в заявлении Секретариата. — Если угнетенный пролетариат и революционные борцы преследуются в какой-либо стране, долг рабочего движения — защищать жертвы и посвятить свои силы их освобождению». МАТ призвала к протестам «против кровавого варварства хортистской Венгрии» [100]. Каким образом обличение контрреволюционности большевизма в России могло сочетаться с оценкой коммунистов в других странах как революционеров, оставалось загадкой.

Анархо-синдикалисты продолжали антимилитаристскую борьбу. Вместе с МАБ Интернационал выпускал ежегодные обращения к годовщине начала Первой мировой войны [101]. МАК в 1931 г. занимался главным образом сбором и распространением информации. В течение года было выпущено 20 сообщений для печати общим объемом в 94 страницы. В них содержались данные, в частности, об уклонении от военной службы в Болгарии, Финляндии, Франции, Литве, Голландии, Польше, Дании, Бельгии и Швейцарии, о правительственном терроре, военных приготовлениях во всех странах, военных конфликтах, терроре в колониях, использовании полиции и армии против трудящихся и т.д. Бюллетени выходили на четырех языках тиражом в 550 экземпляров. На их основе были опубликованы в различной печати 400 статей. Комиссия также направляла протесты различным правительствам против арестованных людей, отказывавшихся от военной службы. В конце 1931 г. штаб-квартира бюро МАК была переведена из Гааги в голландский город Хаарлем [102].

Представители Секретариата МАТ в 1931 г. приняли участие в конгрессах французской, испанской и голландской секций. Были организованы пропагандистские туры МАТ во Францию, Испанию, Германию и Чехословакию. В последней стране не было секции МАТ, и поездка преследовала цель «сплотить имеющиеся отдельные группы и товарищей в единую организацию». Секретариат Интернационала оказал финансовую помощь Секретариату АКАТ для организации поездки в Чили, которая позволила объединить анархо-синдикалистов этой страны в единую секцию Интернационала. Продолжал издаваться пресс-бюллетень на 5 языках, был выпущен протокол 4-го конгресса МАТ на немецком языке, подготовлена англоязычная брошюра о МАТ для пропаганды в Великобритании, США и др. [103].

Однако работе Секретариата мешали нараставшие внутренние конфликты. Их в известной мере удавалось сглаживать Роккеру, который на мадридском конгрессе был избран в состав расширенного Секретариата вместе с Артуром Мюллером-Ленингом (занимал пост до 1935 г.) и Сухи в Берлине. Шапиро и Карбо должны были обеспечивать контакт с организациями в романских странах.

«То, что подобная комбинация вообще оказалась возможной, среди прочего, обязано снова отеческой фигуре Роккера; ведь совсем незадолго до этого в Секретариате МАТ произошла своего рода дворцовая революция, которая была направлена главным образом против Аугустина Сухи, с чьим «стилем поведения на посту» многие товарищи были не согласны...» — отмечал биограф Роккера Петер Винанд. По его мнению, «повсеместно уважаемая личность Роккера, его терпимость и посредническое умение были, безусловно, одной из сильных сторон МАТ». Но даже Роккеру пришлось в середине 1931 г. несколько раз вести неприятные разговоры с Сухи «из-за его чересчур своевольного поведения, причем особенно были затронуты ссоры между ним и Хельмутом Рюдигером. В начале 1932 г. эти разногласия широко распространились на МАТ, когда Мюллер-Ленинг пригрозил подать в отставку, после чего и Сухи стал склоняться к тому, чтобы сложить с себя пост. Едва лишь этот кризис был наполовину урегулирован, как о своей отставке заявил Александр Шапиро, и снова камнем преткновения был Аугустин Сухи. Потребовалась изрядная доля авторитета Роккера, чтобы... удержать на плаву склонный к самозатоплению корабль МАТ. Однако Роккер не бросал так легко свое детище в беде, и ему удалось, хотя бы на время и пока он сам мог оказывать активное влияние, освободить конференции в Берлине в 1932 г. и в Амстердаме в 1933 г. от личных перебранок и направить энергию на борьбу с приходом национал-социалистов к власти. Однако к этому моменту все усилия уже запоздали...» [104].

Организационная перестройка и работа созданного на 4-м конгрессе Экономического совета пробуксовывали. Были избраны члены совета из всех стран, однако к концу 1931 г. орган так и не смог опубликовать отчет о проделанной работе. В попытке оживить его деятельность немецкие представители — Роккер, Деттмер и Вартенберг предложили перечень задач этого международного органа. Он должен был заняться научным изучением мирового хозяйства, кризисов, индустриализации, эксплуататорских методов международного капитализма и «якобы социалистических методов Советской России», оценкой производительности отдельных отраслей, потребностей в каждой стране и хозяйственной взаимозависимости между странами, определением необходимого и ненужного импорта, исследованием организации банковской и кредитной системы, распределения производственных издержек (на материалы, транспортировку, зарплату и т.д.) и доходов (прибылей, налогов, зарплаты и др.). Ему надлежало выявить расточительство капиталистических методов хозяйствования в таких сферах, как излишняя транспортировка, реклама, порча в результате длительного хранения, непосредственное уничтожение товаров, которые не удалось сбыть. Далее в задачи совета входили: «разоблачение националистических легенд» с помощью сопоставления версий, бытующих в различных империалистических странах, и раскрытия «действительных империалистических целей» государств; подготовка набросков «рациональной социалистической организации мировой экономики» и регулярная публикация результатов произведенных работ [105]. Тем не менее совет так и не приступил к работе.

Начавшаяся в 1931 г. японская интервенция в Китае вновь поставила на повестку дня вопрос об отношении анархо-синдикалистов к колониальным войнам и национально-освободительным движениям. Преобладала прежняя позиция: осуждение колониальной экспансии держав при одновременном отрицании национального единства между трудящимися и имущими классами в колониальных, зависимых и подвергшихся нападению странах.

«Поддержка войны за национальное освобождение, — писал Л.П. Лессак в статье «Враг находится в собственной стране!», — принесет китайскому пролетариату только жертвы и не приведет к уменьшению или тем более ликвидации эксплуатации. Освобождение рабочего класса — это не национальный, а социальный вопрос... Война может вытеснить одну группу капиталистов в пользу другой, но факт эксплуатации сохраняется». Автор призывал рабочих Европы и Америки бойкотировать транспортировку оружия и военных материалов на Дальний Восток и не допустить вмешательства «своих» правительств в эту войну. Задачу китайских рабочих и крестьян Лессак видел в том, чтобы «вместе с их японскими товарищами по классу, с которыми их связывает все, а с их национальной буржуазией — ничего, начать классовую борьбу против помещиков, фабрикантов, банкиров и генералов Китая и Японии» [106].

В конце 1932 г. исполнялось 10 лет со времени создания анархо-синдикалистского Интернационала. «...Первый период внутренней организации МАТ сегодня почти завершен, — замечал Шапиро. — Нет больше ни одной страны в Европе и Америке, где бы ни укоренились идеи МАТ, и в большинстве этих стран развиваются и растут секции МАТ». Один из инициаторов создания междунационального объединения анархо-синдикалистов воспользовался юбилеем для того, чтобы еще раз подчеркнуть его основные моменты и принципы: стремление к конечной цели — вольному коммунистическому обществу на основе либертарного федерализма; сочетание борьбы за повседневные интересы и конечные цели при одновременной немедленной разработке трудящимися основ будущего свободного строя; независимость от всех политических партий и борьба с ними, возможность и желательность союзов на местном, национальном и международном уровне в борьбе за повседневные интересы при понимании невозможности согласия с Амстердамским Интернационалом и Профинтерном и недопустимости участия реформистских или диктаторских рабочих организаций в социально-революционном прямом действии. Шапиро вновь настаивал на идее подготовки революции и разработки плана социалистического общественного устройства на основе детального изучения существующего производства и организации рабочего контроля. МАТ и его секции, по его словам, должны были «показать международному пролетариату объемную программу общественного преобразования», причем «это великое дело» еще «только начинается» [107].

Подводя итоги 10-летия МАТ в воззвании «К трудящимся массам всех стран и наций», Секретариат Интернационала вновь напомнил о его отличии от «всех остальных направлений современного рабочего движения», в отношении как преследуемых ими целей, так и применяемых для этого средств. К таким отличиям были отнесены неверие в возможность достичь социализма через деятельность каких бы то ни было партий и государственных органов, представление о том, что строительство нового общества может быть лишь делом самих трудящихся, категорическое отрицание государственного

капитализма как «опаснейшей противоположности социализма», которая «предполагает вручение всех сфер общественной жизнедеятельности государству» и служит «триумфом машины над духом», «рационализацией мышления, действия и восприятия в соответствии с нормами власти», «концом всей подлинной духовной культуры».

«Огосударствление земли и орудий труда, — подчеркивалось в манифесте, — не может принести социализм, но лишь государственный капитализм, который представляет собой худшую форму рабства и неизбежно ведет к бюрократизации всей общественной жизни».

На пороге нового витка наступления фашизма анархо-синдикалисты предупреждали, что «коренное преобразование» никогда еще не было столь «неумолимо необходимым», но «социализм как движение в его нынешней форме» далеко отстоит от этой потребности. «Его носители растрачивают свои силы в словах и ненужных фракционных конфликтах. Вместо того чтобы ясными словами и смелыми, соответствующими серьезности времени предложениями подготовить трудящиеся массы к коренному преобразованию существующих общественных отношений и придать им убежденность в том, что они должны взять на себя ведущую роль в грядущем преобразовании вещей, они довольствуются бесполезными реформами. Так и происходит, что именно сегодня сотни тысяч людей разочаровываются в социализме и позволяют оглушить себя туманными представлениями доведенного до предела национализма». Националистическая и фашистская реакция, поддерживаемая монополистическим капитализмом во всех странах, призвана по мочь капиталу «построить державу индустриального рабства, где трудящийся человек будет рассматриваться всего лишь как экономический автомат, не имея возможности оказывать хотя бы малейшее влияние на последующее положение экономики». Воззвание заканчивалось пророческим предупреждением: «Если рабочие всех стран в последний час не осознают, что спасти их могут только воля к собственному действию и открытая приверженность свободе, то новая возможность социального преобразования еще долго не представится. Только развитие своих собственных сил может стать спасителем и освободителем трудящихся!» [108].

Анархо-синдикалистский Интернационал перед лицом наступления фашизма (1933—1935 гг.)

В начале 1930-х гг. взгляд анархо-синдикалистов на сущность и идеологию фашизма приобрел законченный вид. Они, как и прежде, видели в фашизме прежде всего «стремление подчинить все проявления политической жизни военному принципу», «насилие», причем не только на практике, но и в качестве идейной основы,

«исходного пункта всех социальных, политических, культурных и экономических воззрений». Это, прежде всего, — триумф этатизма: «в центре фашистской идеологии» стоит «не человек, не общество и его потребности», а государство, и отсюда выводятся

социальные и экономические категории. Фашисты — сторонники не просто полицейского, но «абсолютного» государства. Кроме того, отмечали анархо-синдикалисты, фашизм «ставит в центр своих теоретических воззрений борьбу всех против всех». Они подчеркивали тоталитарность фашизма, его антисоциалистическую направленность, антидемократизм и антилиберализм, стремление пронизать «жизнь отдельного индивида» и воспитать его «для борьбы и риска» и одновременно полностью нивелировать человеческую личность, лишит ее «всякой ценности», поработит дух человека, подчинит индивид внешнему фактору — фашистской «политической идее». Основываясь на этой идее, а не на реалиях, фашисты отвергают и классовую борьбу. Анархо-синдикалисты замечали и интересный психологический момент: фашистская идеология — подобно религиозным учениям — играет и своего рода компенсаторную роль: отрицая возможность материального «счастья на Земле», она обещает своего рода духовное, идеологическое «счастье».

Синдикалисты видели в фашизме стремление решить противоречия и кризис капитализма с помощью подчинения интересов отдельных групп и слоев населения общим капиталистическим интересам «государства-нации», то есть в действительности — целям ничтожного привилегированного меньшинства. Однако они утверждали, что такая попытка не увенчается успехом и что фашизм толкает общество в пропасть.

Многие синдикалисты считали, что демократию, несмотря на все ее недостатки, «следует предпочесть всем другим формам господства государства и всем прочим государственным теориям, поскольку она, безусловно, создает более широкое пространство для жизни и лучшие возможности для распространения политических, экономических и социальных идей, нежели какое-либо иное воззрение о политической власти». Тем не менее они не призывали к защите демократии как системы, заявляя, что антифашистская борьба «должна в то же самое время быть социалистической классовой борьбой» [109].

Несмотря на прозорливый анализ фашизма, анархо-синдикалистское движение было слишком слабым для того, чтобы предотвратить его победу в Германии. Установление нацистского режима стало тем большим ударом по МАТ, что ее Секретариат находился в Берлине. 3 марта 1933 г. глава полиции Берлина официально распорядился о запрете издания пресс-бюллетеня МАТ — «в интересах общественного порядка» и в соответствии с нацистским декретом «О защите народа и государства». Формально запрет вводился на срок 3 месяца, но фактически он так и не был отменен [110].

К этому времени единственным действующим секретарем в Берлине оставался Сухи. Карбо находился в Барселоне, Мюллер-Ленинг не участвовал в работе Секретариата с 9 января 1933 г. Роккер и Шапиро также не занимались в этот момент текущими делами организации [111]. Сухи полагал, что анархо-синдикалистская организация в Германии слишком незначительна, и у нацистов не скоро дойдут руки до того, чтобы расправиться с ней [112]. Надеясь, что это произойдет не ранее чем через несколько месяцев после прихода Гитлера к власти, секретарь МАТ полагался на полицейские источники и рассчитывал, что его предупредит заранее некий комиссар полиции. Он отказывался принять дополнительные меры предосторожности и единолично прятал часть документов. Но Сухи просчитался [113].

Ему пришлось покинуть Берлин неожиданно, как в классическом детективе. Когда он, по собственным воспоминаниям, через несколько дней после пожара в рейхстаге, вернулся около 9 часов вечера на квартиру, которую занимал в доме № 62 на Аугусташтрассе в берлинском районе Вильмерсдорф, внутри его уже поджидали трое агентов. Чудом ему удалось увернуться, выскочить из квартиры и захлопнуть за собой входную дверь. В последнюю минуту он сел в поезд, шедший в Париж. В это время по всему Берлину ужасно расклеивали фотографии разыскиваемых противников режима; среди них была и фотография Сухи. Нацисты уничтожили библиотеку секретаря МАТ, забрали классическую литературу, а социалистические и анархистские книги сожгли прямо на улице [114].

19 марта, в последнюю минуту, немецкие анархо-синдикалисты попытались ночью укрыть материалы архива МАТ в подвале частного дома, но привлеченный светом консьерж вызвал полицию, которая арестовала перевозивших и конфисковала документы [115].

Роккер вспоминал, как ему и его жене Милли пришлось спешно покинуть их берлинскую квартиру, оставив на ней все, кроме рукописи книги «Национализм и культура» и самых нужных предметов обихода. Ненадолго они спрятались на квартире друга — Вильгельма Вернера, а затем сели на поезд и, делая пересадки и ночевки в гостиницах, добрались до швейцарского города Базеля... [116]

Работа Секретариата МАТ была перенесена в Амстердам, где стал издаваться и бюллетень Интернационала. 22—24 апреля 1933 г. в голландской столице была созвана международная конференция (пленум) МАТ, в работе которой участвовали представители САК, НКТ, НСП и два немецких делегата. Косвенно представлена была польская Анархистская федерация. РСВКТ, НСФ, ВКТ Португалии и УСИ не смогли принять участие в работе встречи [117]. Открывая пленум, голландский делегат Руссо вынужден был констатировать, что работа анархо-синдикалистов в Германии, Италии, Португалии, России и Польше полностью парализована [118]. Участники заслушали сообщения о положении в различных странах, прежде всего в Германии, а также в Болгарии, Италии и Португалии.

Сухи подвергся резкой критике: на него была возложена вина за потерю архива МАТ в Берлине. Немецкая делегация обвинила его в том, что необходимые меры не были своевременно приняты. То, что внутренние документы оказались в руках полиции, создавало угрозу для многих активистов анархо-синдикалистского движения. Голландские делегаты считали, что ответственность несет не один Сухи, но все члены Секретариата МАТ. Они задавали вопрос, почему материалы не были своевременно отправлены в Амстердам. Однако другие члены Секретариата единодушно возражали, заявляя, что этой проблемой занимался исключительно Сухи, не слушавший никаких увещаний, а они доверяли его «чрезвычайно оптимистической» информации и заверениям, что «все в порядке» [119]. Оправдываясь, Сухи заявлял, что для его «оптимизма» имелись основания и, как бы то ни было, никакой «небрежности» с его стороны проявлено не было: в Бюро оставалась только легальная корреспонденция. Информация, касавшаяся секций, была, по его словам, переведена в другое место. Он настаивал, что предпринял все меры для укрытия документов в подвале, но план провалился по вине ФАУД, поскольку ее члены не только не желали спрятать архив у себя, но и медлили с его перевозкой из Бюро в намеченный подвал. Большого риска нет, доказывал Сухи, поскольку полиция, по его мнению,

безусловно, уничтожила захваченные материалы [120].

Делегаты сочли аргументы Сухи неубедительными. Они оценили проявленную им «безответственность» и невыполнение решений, принятых в июле 1932 г., как непростительные и поддержали резолюцию, которую подготовили представители НКТ и ФАУД. В документе утверждалось, что Секретариат МАТ «в ситуации, сложившейся в Германии за последние 6 месяцев, оказался не на высоте своей миссии», причем ответственность за это возлагалась исключительно на одного из членов — Сухи, «единственного действующего секретаря в Берлине». Участники пленума обвинили его в «оптимистической» недооценке опасности нацизма и «беспечно сти», приведшей к потере архивов, и выразили ему «недовольство». За резолюцию проголосовали все делегации, кроме голландской [121]. Сухи не принял предъявленных обвинений. В заявлении, адресованном пленуму, он выразил протест против утверждений, содержащихся в резолюции, назвав их «неоправданными» и «безосновательными» [122].

Роккер тщетно пытался сгладить страсти [123]. Его авторитет в анархо-синдикалистском движении был по-прежнему высок. Еще 25 марта 1933 г. Секретариат МАТ поздравил Роккера с 60-летием и направил ему «братский и дружеский привет», выразив ему «свои глубокие чувства преданности и товарищества»¹²⁴. Но он мало что уже мог сделать. Вскоре Роккер эмигрировал в США, а в его отсутствие борьба в Секретариате МАТ продолжалась и усилилась [125].

Участники Амстердамского пленума обсудили положение анархистских политзаключенных в Германии. Особо упоминалась судьба видного поэта-анархиста Эриха Мюзама, арестованного нацистами. Делегаты сочли, что проведение революционных акций протеста в других странах может скорее повредить узнику. Было решено, в первую очередь, апеллировать к мировой общественности и либеральной прессе [126].

Среди других вопросов, обсуждавшихся пленумом в Амстердаме в апреле 1933 г., было положение в Испании. Шапиро представил на рассмотрение доклад о своей поездке в Испанию и о восстании в январе 1933 г. Испанское движение было недовольно критикой. Шапиро слишком недолго был в этой стране и не ознакомился со всеми версиями событий, заявил Карбо. По существу, утверждал он, речь идет не о конфликте между ФАИ и «трентистами», а о борьбе всей НКТ в целом против реформистов, подписавших «Манифест 30-ти» и отрицавших возможность социальной революции, пока Испания не будет «индустриализована на 100%», а республика не укрепится. Карбо защищал право членов ФАИ работать в синдикатах, разъяснив, что анархисты делали это задолго до создания Конфедерации. Действия «трентистов» он назвал раскольническими и «преступными». Другой представитель НКТ Конга отверг изложенную Шапиро трактовку восстания в январе 1933 г. По его версии, выступление не было навязано Конфедерации группой анархистских активистов, а объяснялось проявлением солидарности со стороны Национального комитета и региональных организаций НКТ с борьбой железнодорожников и акцией региональной федерации Леванта (Валенсии).

Шапиро, оправдываясь, доказывал, что его доклад гораздо сильнее критикует «трентистов», чем ФАИ. Но участники пленума склонялись к поддержке испанской позиции.

Суши энергично поддержал выступление делегатов НКТ, говоря о «революционном духе испанцев» и реформизме Пестаньи и его сторонников. В итоге об суждения вопроса делегаты, по предложению Конги, приняли резолюцию с призывом к секциям изучить возможность принятия мер в случае блокады революционной Испании капиталистическими государствами» [127].

Пленум обсудил работу Фонда помощи российским революционерам. В отчете Фонда признавалось, что с 1932 г. его касса оказалась фактически пустой, и это затрудняло оказание поддержки заключенным и ссыльным в Советском Союзе, многие из которых умирали от голода и болезней. Обзор положения со сбором средств в различных странах оказывался неутешительным: американские либертарианцы, собиравшие прежде значительные суммы, не могли больше себе этого позволить, в Германии царил нацистский диктатура, во Франции и Испании сборы практически не проводились. Лишь в Голландии работа велась в значительных масштабах. «Часто мы вынуждены отказываться от помощи наиболее нуждающимся товарищам, — говорилось в отчете. — Действительно, за последние 6 месяцев Фонд получил 6 тыс. франков; более 5 тыс. франков были отправлены в Россию. Эта помощь недостаточна. Если из 140 сосланных товарищей, чьи адреса у нас имеются (общее число наших друзей, находящихся в ссылках и тюрьмах, достигает 400), мы возьмем лишь 70 и если мы пошлем каждому из них всего по 50 франков, то и тогда мы получим сумму в 3500 франков в месяц. Мы далеки от того, что бы иметь эту сумму». Фонд призвал все секции МАТ предпринять меры для увеличения сборов, распространения информации о преследованиях в Советском Союзе, проведения информационных конференций и собраний и т.д. Отдельным рабочим организациям предлагалось взять на себя помощь отдельным конкретным заключенным и ссыльным в России [128].

В целом было решено, что обычные средства МАТ должны расходоваться только на организационные нужды, а не на оказание помощи.

Пленум постановил перевести место расположения Секретариата МАТ в Испанию. Функции секретарей были возложены на Артура Мюллера-Ленинга, Валериано Оробона Фернандеса и Эусебио Карбо. Однако события мая 1933 г. в Испании задержали переезд. Секретариат сумел приступить к работе в Мадриде лишь 30 июня 1933 г. [129]. Здесь его деятельности существенно мешали два обстоятельства — репрессии со стороны властей против анархо-синдикалистского движения и определенное непонимание со стороны испанских активистов. Особенно много трудностей вызывала первая проблема. Секретариат вынужден был постоянно менять свое местопребывание, по существу работая в подполье. Цензура в Испании не позволяла публиковать никакой организационной информации [130].

Первоочередными задачами МАТ стали теперь анализ победы нацизма в Германии и оценка ее значения для мирового рабочего движения, а также определение путей борьбы с нарастающим по всему миру фашизмом.

В заявлении Секретариата МАТ «Фашизм в Германии» (24 марта 1933 г.) победа гитлеризма оценивалась как катастрофа и в то же время — как «крах марксизма», банкротство «методов политических партий» и урок для трудящихся. Вину за победу нацизма анархо-синдикалисты возложили на рабочие партии. «Политика предательства социал-демократии

—политика меньшего зла и “терпимости” в отношении диктатуры, которая мостила дорогу фашизму, при вела к полному триумфу гитлеровских банд. Со времени свержения монархии, со времени так называемой “революции” ноября 1918 г. немецкая социал-демократия была самой лучшей поддержкой капитализма. Она бросилась в пролом революции, она восстановила милитаризм и спасла капиталистическое общество. Она всегда заключала пакты с реакцией, когда нужно было удушить революционное движение... Сегодня она отдала рабочее движение в руки победоносного фашизма. Она осталась верна своей роли до последнего момента... Немецкая социал-демократия не смогла найти иного средства защиты против фашизма, кроме избирательных и парламентских методов терпящей крах демократии». Однако не меньшая доля вины в предательстве, с точки зрения анархо-синдикалистов, лежала на компартии, которая «посредством мошенничества политики выборов удалила революционные массы от единственного метода, могущего предотвратить фашистскую контрреволюцию, — революционного экономического прямого действия. Компартия тем более не могла вести эффективную борьбу против немецкого фашизма, поскольку была всего лишь органом внешней политики русского правительства». Соответственно не могли бороться с фашизмом ни реформистский Социалистический Интернационал, всегда отвергавший революционные методы борьбы с фашизмом, ни Коминтерн, «не способный действовать в революционном духе».

После крушения партий «на поле битвы остались только две противостоящие силы: фашизм и социальная революция, — заявил Секретариат. — Нам следует понять, что, если необходимо подготвить и организовать борьбу против фашизма, это дело возможно лишь в том случае, если одновременно готовится и организуется борьба за социальную революцию. И это — против коммунистов, против социалистов, против демагогических и вероломных единых фронтов, которые являются не более чем фронтами несправедливости. Но со всем пролетариатом городов и деревень, освобожденным, наконец, от влияния политиканов всех партий». Урок для рабочего движения других стран анархо-синдикалисты видели в том, что, не идя ни на какие уступки национализму, милитаризму и государству, фашизм там надо задавить в зародыше, чтобы германские события не повторились. Причем борьбу с фашизмом следовало вести не только в собственной стране, но и в международном масштабе, иначе мировая война становилась неизбежной.

Секретариат Интернационала призвал революционное движение всех стран и в особенности секции МАТ приступить к срочному сбору средств в поддержку арестованных в Германии товарищей и их семей [131].

Те же основные идеи повторялись в обращении Секретариата МАТ «к рабочим всех стран» в связи с запланированными коммунистами «Антифашистским рабочим конгрессом». В документе, озаглавленном «Против фашизма!», подчеркивались прежде всего масштабы «германской катастрофы» и рост фашистской угрозы для всего мира: «Победа фашизма в Германии — это начало новой, еще более сильной фашистской волны по всему миру... Социал-демократия, коммунистическая партия, социалистические профсоюзы, эти марксистские организации с миллионами организованных рабочих в Германии капитулировали без борьбы». Согласно МАТ, произошел «беспримерный и позорный крах немецкого рабочего движения».

Секретариат подверг резкой критике не только отказ социал- демократии от реального сопротивления фашизму, но и готовность реформистов интегрироваться в новый фашистский режим: «Они призвали своих сторонников демонстрировать 1-го Мая под свастикой. Они были готовы вписаться в фашистское государство». Не менее жестко анархо-синдикалисты осуждали коммунистов: «По литика бесплодного парламентаризма, избирательной демагогии и лицемерных лозунгов “единого фронта” обанкротилась. Это была политика преступного оппортунизма, демагогической, националистической пропаганды с фашистской терминологией: “рабство плана Юнга”, “борьба против Версаля”, “национальное освобождение”, “народная революция” и т.д. Когда же час борьбы в Германии наступил, “партия Ленина” с ее миллионами избирателей оказалась неспособной к действию, неспособной к поступку».

МАТ предупреждала, что мировой экономический кризис и победа нацизма способствуют росту угрозы фашизма и в других странах: «Чем дольше продолжается кризис, чем больше растет безработица, чем более ожесточенные формы принимает экономическая война, тем больше буржуазия во всех странах прибегает к диктатуре». Цель такой диктатуры состоит в том, чтобы «поддерживать капиталистическое господство. Но она не в состоянии сдерживать обнищание масс и экономический упадок. Капитализм может защититься от угрозы восстания масс только с помощью крови и насилия, путем систематического подавления рабочего класса, без лого террора... Фашизм — это государственная политика капитализма, не знающего иного выхода из кризиса, кроме перевода его в империалистическую войну».

Анархо-синдикалисты отрицали, что запланированный конгресс может стать способом борьбы с фашизмом. Подобно предвещению Амстердамскому конгрессу, это — всего лишь «собрание по пропаганде коммунистической партийной политики и политики русского правительства», «демонстрация коммунистической демагогии». «Рабочий класс никогда не сможет побороть войну и фашизм, становясь на сторону одного из государств, защищая политику одного из государств, но только без колебаний борясь со всеми государствами и всеми диктатурами». Методы борьбы должны быть совершенно иными, чем те, которые привели к катастрофе в Германии. А для этого необходимо было, по логике анархо-синдикалистов, освободиться от методов политических партий. Секретариат МАТ настаивал на том, что невозможно бороться с фашизмом вместе с теми, «кто поддерживает фашистские методы социал-демократических диктаторов в Испанской Республике», и с теми, кто «приветствует все позорные деяния большевистского правительства ГПУ, которое... установило в России рабский режим».

Анархо-синдикалистский Интернационал вновь повторил: альтернатива выглядит так — фашизм или социальная революция.

«Бороться с фашизмом, не борясь с государством, милитаризмом и диктатурой, означает не затрагивать основные опоры фашизма... Борьба против фашизма означает: борьба против любой диктатуры и подготовка социальной революции. Эту борьбу следует организовывать через голову всех политических партий и против всех политических партий — борьбу за уничтожение государства и диктатуры во всех формах, за свержение капитализма, за создание социалистического общества на основе системы свободных Советов».

Отвергнув лозунг «единого фронта» политических партий, МАТ призвала трудящихся к прямому противоборству с капиталистической системой, к созданию на предприятиях и рабочих местах «комитетов действий для организации антифашистской борьбы и предотвращения войны», к сопротивлению фашизму с помощью «методов социально-революционного действия» — стачек, бойкота, саботажа¹³². По призыву Бюро МАТ, Первый (парижский) региональный союз РСВКТ организовал раздачу 3500 экземпляров делегатам конгресса [133].

Анархо-синдикалисты пытались внимательно следить за тем, что происходило в Германии. После апрельского пленума 1933 г. Секретариат МАТ договорился с немецким делегатом Вартенбергом о способах поддержания связи между МАТ и подпольной Административной комиссией ФАУД и о пограничных контактах. Однако распад организационной сети в Германии сделал осуществление договоренностей невозможным. Вартенберг сообщил Секретариату 29 июля о том, что он отказался от своих функций. После этого МАТ долго не имел информации из Германии. Только в августе 1933 г. находившийся в Амстердаме Фред Шрёдер сообщил в письме Секретариату, что получил поручение подпольной немецкой секции восстановить связи и наладить переброску необходимого материала через границу. В ответном письме от 10 августа Секретариат запросил информацию о новой Административной комиссии и получил ответ, но затем связь снова прервалась из-за трудностей с переходом границы. В сентябре Шрёдер запросил помощь от Секретариата и благодаря полученным деньгам смог провести встречу с представителями подпольного Информационного бюро ФАУД из Касселя [134]. В конце 1933 г. МАТ удалось наладить переписку с анархо-синдикалистами в различных районах Германии, а 30 января 1934 г. — наладить связь с подпольной Административной комиссией ФАУД.

Секретариат Интернационала признавал в качестве официальных органов немецких анархо-синдикалистов подпольную Административную комиссию и Эмигрантское бюро ФАУД в Амстердаме. Он отказывался поддерживать инициативы других эмигрантских групп. В конце июня 1933 г. находившийся в Париже бывший секретарь МАТ Сухи направил письмо в Секретариат. Предложив издать еженедельник на немецком языке под своей редакцией, он попросил МАТ оказать финансовую помощь. При этом он заявил одному из секретарей Интернационала, что все равно намерен начать выпуск, даже без поддержки международной организации [135]. Вопрос обсуждался на заседании Секретариата МАТ в Мадриде 30 июня 1933 г. Он считал, что помощь изданию возможна лишь если «газета издается организацией, поддерживающей связи с МАТ, или если МАТ сама несет ответственность за такие публикации. Но в этом случае МАТ должна нести всю ответственность и осуществлять полный контроль, именно она назначает редакцию и т.д.». 6 июля секретарь Интернационала Мюллер-Ленинг информировал Сухи о том, что его предложение отклонено [136].

Эмигрантское бюро ФАУД в Амстердаме также просило МАТ об оказании финансовой помощи в издании газет и пропагандистского материала для Германии и немецких эмигрантов. Однако Секретариат Интернационала, ссылаясь на нехватку средств, предложил амстердамцам ограничиться, в первую очередь, ведением «пропагандистской деятельности для организации в Германии», выразив готовность предоставить средства для издания ежемесячной газеты и ее нелегальной переправки в Германию [137].

Как указывалось в отчете Секретариата МАТ о связях с Германией за 1933 —1934 гг., «возникли дискуссии о целесообразности открытой анархо-синдикалистской пропаганды [в Германии]. Некоторые товарищи в Германии полагали, что желательна лишь в значительной мере скрытая пропаганда. Секретариат не может разделять эти взгляды». Возможно, по тактическим причинам не стоило использовать такие слова, как анархо-синдикализм, но «наши пропагандистские органы не должны производить впечатление оппозиционно-национал-социалистических», считали в МАТ. «Осторожность не должна, разумеется, заходить так далеко, что за границей вообще не должна вестись пропаганда от имени немецких анархо-синдикалистов» [138].

В письме от 10 ноября 1933 г. Шрёдер и Д. от имени Эмигрантского бюро проинформировали Секретариат МАТ о стоимости печатания и перевозки издания. 1 декабря Бюро сообщило Секретариату, что началась подготовка к изданию газеты «Ди Директе акцион». Газета начала выходить в декабре [139].

Поселившийся в Стокгольме и установивший связи с САК и Сухи немецкий синдикалист Шрёдер запросил МАТ в январе 1934 г. о предоставлении помощи в 500 крон на издание газеты «Ди Зоциале революцион», которая была задумана как официальный орган немецкой анархо-синдикалистской эмиграции. Однако, поскольку признанные Секретариатом органы ФАУД (Административная комиссия и Амстердамское бюро) не приняли план Шрёдера, Секретариат Интернационала отказался помочь проекту. МАТ сочла его проявлением «личных планов товарища Ш.». Соответствующий ответ был направлен Шрёдеру. Секретари вновь подчеркнули, что официальное пропагандистское издание немецких анархо-синдикалистов должно выпускаться «в тесном сотрудничестве с немецкой секцией МАТ. В случае если МАТ оказывает финансовую поддержку изданию органа, то Секретариат несет за это моральную и финансовую ответственность. МАТ может оказать поддержку лишь в том случае, если орган издается секциями или группами, принадлежащими к МАТ и обладающими редакционным контролем. Или если такой орган издается самим Секретариатом под его редакционную ответственность» [140].

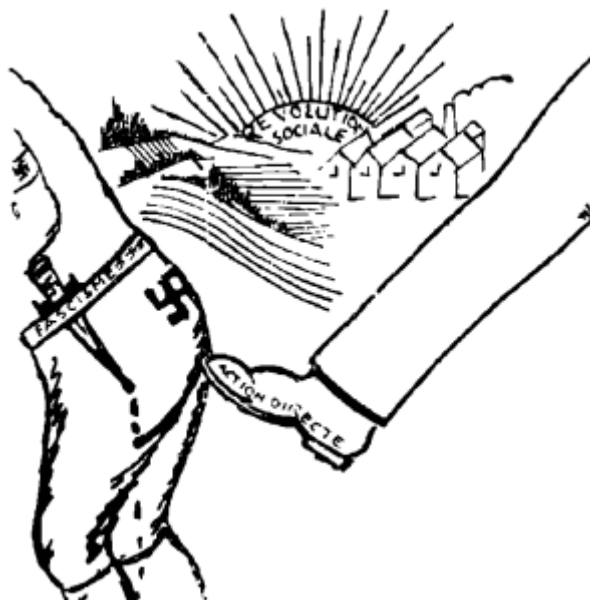
В поддержку плана Шрёдера выступил Сухи. 6 февраля 1934 г. он и Вих от имени эмигрантской группы в Париже и «нелегальных групп в Восточной Германии» направили письмо Бюро МАТ. В нем они жаловались на отрицательное отношение Секретариата к издательским планам Сухи и Шрёдера и вновь заявляли, что этот последний назначен редактором «с согласия всех эмигрантских групп ФАУД и при помощи шведской секции МАТ» [141]. Секретариат счел себя вынужденным обратиться с разъяснительным посланием ко всем секциям Интернационала [142]. Соответствующее письмо было направлено также Сухи, а 14 февраля — и секретариату шведской анархо-синдикалистской организации САК, которая осуществляла административный контроль над изданием. Однако представитель САК Йенсен утверждал, что Шрёдер заверил шведов, будто имеет поручение от Амстердамского бюро ФАУД. Последовала новая переписка между Секретариатом МАТ и Бюро, после чего секретари Интернационала заверили САК 1 марта, что такой поддержкой Шрёдер не обладает [143].

По просьбе созданного представителями ФАУД в Амстердаме комитета по проблеме беженцев, Секретариат МАТ направил всем секциям Интернационала просьбу сообщить о

том, какое коли чество немецких беженцев находится в их странах, каковы их фа милии, места рождения, причины бегства из Германии и каковы возможности приема беженцев. Цель состояла в том, чтобы коор динировать анархо-синдикалистскую работу в эмиграции и более равномерно распределить беженцев по секциям Интернационала. Немецкие анархо-синдикалистские эмигранты в Барселоне при слали в Секретариат воззвание «Ко всем немецкоязычным товари щам анархо-синдикалистского движения за границей». В обращении содержался призыв к установлению организационной связи между эмигрантами и планомерному ведению агитационной рабо ты в Германии и за рубежом. Секретариат сохранял также связи с остатками групп ФАУД в Саарской области. МАТ поддержала инициативу подполья в Германии и Амстердамского бюро о проведе нии в 1934 г. конференции немецких анархо-синдикалистов [144].

МАТ составила и распространила специальный отчет о событи ях 30 июня 1934 г. —столкновении гитлеровского режима и нацист ских штурмовых отрядов СА. Интернационал рассчитывал на «кри зис национал-социалистической диктатуры». Автор доклада видел в конфликте скорее то, что желал видеть: меры буржуазии и вооружен ных сил против недовольной «армии сотен тысяч одетых в унифор му пролетариев», требовавших «осуществления социалистической программы». Правда, он признавал, что было бы безумно рассмат ривать лидера штурмовиков Рема «как представителя социалисти ческого направления», но наивно предсказывал, что оставшиеся в живых члены СА «рано или поздно взбунтуются против правитель ства капитала и помещиков». Сделав правильный вывод о том, что «диктатура капитала», власть монополий в результате избавилась от своей мелкобуржуазной опоры и укрепилась, составитель доклада все еще надеялся на «изменение линии классовых фронтов» [145].

МАТ информировала о судьбе арестованного нацистами видно го немецкого поэта-анархиста Э. Мюзама и призвала организовать во всех странах акции протеста против нацистского террора с тре бованием немедленно освободить его и тысячи других заключен ных в тюрьмах и концлагерях [146]. В ноябре 1933 г. Секретариат издал обращение «За жизнь Эриха Мюзама», в котором снова предлагал проводить демонстрации в его поддержку и направлять германским официальным лицам письма протеста [147]. 30 сентября 1933 г. он выпустил воззвание «Для жертв немецкого фашизма», призвав к сбору помощи и проведению акций протеста [148].

Секретариат Интернационала запросил секции о возможности организации международного бойкота против нацистской Германии. Однако быстро выяснилось, что единство в этом вопросе отсутствует [149]. Шведская организация САК начала принимать соответствующие меры сразу после прихода Гитлера к власти. Она призвала ко всеобщему бойкоту немецких товаров и блокаде гитлеровской Германии. В марте 1933 г. вопрос обсуждался на ежегодном заседании исполкома САК, и был издан манифест с призывом к единому рабочему фронту, но снизу, а не через посредство политических партий. Этот документ был распространен по всей стране. В шведской синдикалистской печати была начата кампания против нацистского режима [150]. Позднее появился еще один манифест на эту тему. Оба документа были распространены тиражом в 70 тыс. и 50 тыс. экземпляров соответственно. Голландская секция также начала вместе с Международным антимилитаристским объединением пропаганду бойкота нацистской Германии. Они выпустили и распространили 80 тыс. экземпляров соответствующего манифеста. Но осуществить какие-либо крупные акции не удалось. Французская РСВКТ вообще высказалась против бойкота, опасаясь, что он «может послужить для Гитлера предлогом, чтобы замаскировать свое банкротство», и «предлогом к войне». Самая массовая организация Интернационала — испанская НКТ была готова осуществлять бойкот нацистской Германии. Секретарь МАТ выступил с этим предложением на пленуме НКТ в ноябре 1933 г. По просьбе Конфедерации, Секретариат Интернационала подготовил подробную справку о немецких товарах и фирмах, необходимую для организации широкомасштабной акции, был разработан совместный манифест МАТ и НКТ. В нем содержался призыв не покупать немецкие изделия, парализовать торговое сообщение с Германией, не смотреть немецкие кинофильмы, не разгружать немецкие суда, не перевозить немецкие товары и т.д. 10 декабря 1933 г. в Мадриде должен был состояться организованный МАТ массовый митинг против международного фашизма, после которого планировалось начать кампанию бойкота. Однако подавление анархистского восстания в Испании 8 декабря 1933 г. сорвало осуществление этого плана [151].

Получив в ноябре 1933 г. новые сообщения об угрожающем положении Мюзама в нацистском лагере, Секретариат МАТ выпустил 25 ноября воззвание с призывом спасти жизнь узника. Информация была переслана секциям МАТ, и многие из них провели акции

протеста. В Испании множество синдикатов НКТ направили протесты в германское посольство; то же самое сделали видные представители испанской интеллигенции. В митинге протеста в Мадриде приняло участие 20 тысяч человек¹⁵².

После убийства поэта в нацистском концлагере в 1934 г. Секретариат МАТ принял 12 июля в Мадриде заявление с призывом к сопротивлению и всемирной борьбе с фашизмом [153]. Были распространены также некролог и различные материалы о Мюзама и его зверском убийстве [154]. Протест в германское дипломатическое представительство направила Федерация анархо-коммунистов Болгарии [155]. Секретариат МАТ и Центральное бюро ФАУД призвали провести с 9 по 17 июля 1936 г. «международную неделю памяти Э. Мюзама» и осуществить сбор средств в помощь немецким товарищам [156].

Этот сбор в пользу анархо-синдикалистов, арестованных в нацистской Германии, до осени 1933 г. оказался, по признанию Секретариата, «сравнительно малым». Интернационал попросил секции провести с этой целью специальные кампании. Большой успех принес сбор в Швеции. Голландская секция тратила почти все деньги на помощь немецким беженцам в своей стране и даже обратилась к МАТ за поддержкой. Французская РСВКТ также помогала немецким эмигрантам. Роккер собирал средства во время лекционного турне по Америке. Испанская НКТ, сама подвергшаяся преследованиям после декабря 1933 г., практически была не в состоянии оказать финансовую помощь немецким заключенным [157].

Неопределенность царил даже в отношении самой необходимости международной финансовой помощи политзаключенным в нацистской Германии. Шрёдер утверждал в

письме от 18 августа 1933 г., что подобная мера излишня, поскольку подпольные организации ФАУД вполне справляются с этой задачей. Но другие, частные письма, напротив, просили немедленно оказать поддержку арестованным, однако Секретариат МАТ не имел права реагировать на индивидуальные запросы, к тому же у него не было средств. Опубликованный в испанской газете «Солидарidad obrera» призыв собирать деньги в поддержку немецкого анархиста Бертольда Кана не был одобрен центральным органом немецких анархо-синдикалистов. Поблагодарив секции МАТ за оказание помощи, организация возражала против проведения сборов в пользу отдельных лиц. Кроме того, «никакое отдельное лицо, — говорилось в послании, — не имеет права без нашего согласия делать призывы к проведению сборов в пользу наших товарищей в концентрационных лагерях и тюрьмах каторжного гитлеровского рейха. Такое право мы признаем только за Бюро МАТ и лицами, имеющими на это поручение от нас и Бюро МАТ» [158].

Пытаясь оказать помощь немецким анархо-синдикалистам, Секретариат МАТ одновременно резко возражал против предлагавшихся ими форм антифашистского единства. Интернационал продолжал отстаивать традиционный взгляд на недопустимость союза с политическими партиями. Эта полемика не велась открыто в бюллетене МАТ, но содержалась в закрытом отчете Секретариата о связях с немецкой секцией за апрель 1933 г. — май 1934 г. Подпольная Административная комиссия ФАУД призвала анархо-синдикалистов мира перед лицом общего наступления фашизма «похоронить организационный эгоизм» и найти «синтез между марксистскими и анархистскими пролетариями» в виде «единой организации... пролетариата». Ее организационной формой «остается форма революционных профсоюзов, — указывалось в предложениях комиссии. — На интернациональном уровне это означало бы создание нового Интернационала. Мы хотели бы, чтобы МАТ утвердительно высказалась в этом духе» и «включилась в стремления» в этом направлении, которые предпринимали «независимые коммунисты в Швеции, Независимая рабочая партия в Англии», французские и другие социалисты [159].

Секретари Интернационала категорически отвергли предложения немецкой секции, назвав их «принципиально ошибочными».

«Было бы полной ошибкой полагать, — предостерегал Секретариат, — что достижению принципиальных и практических целей МАТ может способствовать... стремление некоторых левых социал-демократических, оппозиционно-коммунистических и троцкистских партий по созданию так называемого IV Интернационала. МАТ не намерена рассматривать возможность какой-либо связи (с этой организацией. — В.Д.) или подключения (к ней. — В.Д.)». В отчете еще раз разъяснялось, что «историческая задача МАТ» (сплочение рабочего класса на экономической основе в борьбе с государством и капитализмом) не может быть осуществлена в союзе с какими-либо политическими партиями, поскольку эти организации «по определению» ориентированы на приобретение политической власти, между тем как МАТ стремится к «уничтожению государства». Поэтому анархо-синдикалисты должны вести борьбу со всеми партиями, а не объединяться с ними.

Секретариат Интернационала признавал, что фашистская диктатура угрожает всем рабочим, независимо от политических течений, и поддерживал идею «единства рабочего класса» в борьбе с ней. «Но какое единство? И ради какой борьбы?» «Нет революционной

борьбы без революционной теории! Было бы роковым заблуждением полагать, что борьба в перспективе завершится победой, если заменить принципиальные цели оппортунистической мешаниной теорий», — отвечали секретари анархо-синдикалисте - кого Интернационала на призыв Оргкомитета немецких анархо-синдикалистов к соединению «пламенного духа Бакунина и экономической критики Маркса». МАТ опасалась, что подобный подход может, как и после Российской революции 1917 г., привести некоторых либертариюв к примирению с ленинизмом. Она настаивала на несовместимости вольных Советов и партий и заявляла, что «оппозиция против “сталинистской бюрократии” и отклонение бесхарактерного реформизма обанкротившегося II Интернационала от нудь не означают принципиального разрыва с марксистским государственным социализмом». Ведь МАТ должна не только бороться с фашизмом, но и предотвратить установление в результате революции любой «политической государственной диктатуры» [160].

Победа национализма и фашизма в Германии стала, по мнению анархо-синдикалистов, сигналом для других стран. «То, что происходит сегодня в Германии, превращается в угрозу для всей Европы, — говорилось в первом майском воззвании МАТ 1933 г. — Рабочие и все либертарные элементы должны проникнуться этим ужасным уроком и, не теряя времени, готовиться к борьбе с реакцией; они должны постараться пробудить освободительную волю масс, только она одна может защитить их от варварского ига орды разбойников, которые попирают ногами всякую гуманную идею». По мере ужесточения политической и социальной реакции во всех странах растут также нищета масс и безработица, отмечали анархо-синдикалисты. Даже радикальное сокращение рабочего дня, по их мнению, могло принести лишь временное облегчение, но не излечить болезнь. «Человеческий труд заменяется техникой, но власть по-прежнему остается в руках земельных собственников. Капитализм проглатывает все достижения человеческого духа, и любое средство, которое облегчает людям борьбу за благосостояние, становится в его руках инструментом рафинированного порабощения. Нынешний кризис капитализма, — указывала МАТ, — это, в первую очередь, проблема распределения, а не производства. Он может быть преодолен, только если работники города и деревни завладеют руководством промышленностью и аграрной экономикой с тем, чтобы удовлетворить потребности всех людей, а не только незначительного меньшинства... Никогда социализм не имел столь благоприятных возможностей для своего осуществления, но для того, чтобы одержать победу, надо проникнуться действительно социалистической и либертарной идеей». Интернационал призвал трудящихся «выступить 1-го Мая против всех своих врагов и преследовать цели социальной революции, осуществимой не с помощью диктатуры и насилия государства, а посредством прямого освободительного действия масс». МАТ выдвинула на сей раз лозунги: «Будем бороться вместе против фашистской реакции и против диктатуры во всех формах! Против врага человечества — капитализма! Против националистической лжи!.. Вперед за либертарный коммунизм и братство трудящихся всех стран и народов!» [161] В воззвании к 1-му Мая 1934 г. Секретариат Интернационала призвал провести его «под знаком международной солидарности и интернациональной борьбы» за права трудящихся, против фашизма и войны, за социальную революцию как единственное средство предотвратить эти бедствия. «Решающая битва между фашизмом и социальной революцией развернется в Испании», — предсказывали анархо-синдикалисты [162].

Разгром немецкой секции и репрессии против испанской НКТ после декабря 1933 г. поставили анархо-синдикалистский Интернационал в чрезвычайно трудное положение. «Сегодня МАТ насчитывает лишь две-три “легальные секции”, которые ослаблены продолжающейся безработицей и вынуждены вести тяжелую борьбу против атак реакции... — говорилось в отчете Секретариата в мае 1934 г. — МАТ фактически превратилась в Интернационал борьбы...» [163]

МАТ пыталась организовать поддержку анархистов и в других странах, где они преследовались наступавшей реакцией. Так, в связи с убийством в апреле 1934 г. в Софии болгарского анархо-синдикалиста Василева, МАТ заявила о том, что долг всех секций — поддержать болгарских товарищей¹⁶⁴. Фонд помощи русским революционерам информировал о новых преследованиях и арестах в СССР и обращался к рабочим мира с просьбой о поддержке¹⁶⁵. В течение 1935 г., например, в «Фонд русской помощи» была собрана сумма, эквивалентная 14281,55 франкам, 80 долларам США и 90 голландским гульденам, из которой 12330,2 франка были посланы в СССР [166].

Внимание анархо-синдикализма было по-прежнему приковано к Испании. В бюллетене Интернационала регулярно сообщалось о борьбе испанских трудящихся, положении и действиях НКТ. Комментируя революционное восстание в декабре 1933 г., орган МАТ отмечал, что «Испания стоит сегодня у решающего поворота в своей истории. Буржуазно-демократический и псевдореволюционный этап, который начался 14 апреля 1931 г., закончился и уступил место периоду бешеных столкновений в области действительной классовой борьбы». Противоречия обострились до такой степени, что «сейчас недвусмысленно и безотлагательно на повестке дня стоит альтернатива: социальная революция или фашистская контрреволюция». Выступление было охарактеризовано как «одна из мощнейших революционных акций испанского рабочего класса»,

«подлинная генеральная репетиция революции». Эта борьба имеет и международное значение. «Разгром иберийского фашизма по бедоносной социальной революцией встретил бы мощный отклик во всем мире и вызвал бы всеобщее антифашистское контрнаступление во всех странах». В то же время бюллетень призывал НКТ к «большой осторожности в выборе и применении тактических методов». Он указывал прежде всего на недопустимость чрезмерно поспешных действий, на необходимость организовывать выступления своевременно и при участии всех революционных элементов. Бюллетень рекомендовал НКТ искать революционного союза с массами ВСТ [167].

Шапиро, оценивая происходящее, повторил свою критику «революционного спонтаннизма» НКТ и снова призвал к тщательной подготовке революции. «До сих пор... этой борьбе недостает связности и единства. Одной только идеологической спонтанности недостаточно для того, чтобы придать повстанческому движению единство действия, без которого движение не может победить, — писал он. — Такова проблема, которая все яснее встает перед нами НКТ. Это проблема, без решения которой будущие движения стихийного бунта и спорадического восстания будут приводить к таким же разочарованиям и к таким же поражениям, как и то, что было недавно испытано НКТ» [168].

Секретариат МАТ обратился «к пролетариату всех стран» с воззванием «Героическая борьба испанского пролетариата против фашизма». В нем указывалось, что последние события «поставили испанский пролетариат во главу международной борьбы против фашизма». Поскольку находящийся в кризисе капитализм прибегае к фашизму как к последнему средству спасения, борьба с фашистской реакцией является «битвой авангарда мирового рабочего класса против классового врага». Секретариат указывал на контраст между политическими партиями в Германии и Австрии, которые почти без сопротивления капитулировали перед фашизмом, и действиями испанских рабочих и НКТ, противопоставивших фашизму социальную революцию. «Позиция НКТ имеет великую историческую заслугу... Анархо-синдикализм начал борьбу против просыпающегося испанского фашизма еще до того, как он смог развернуться и создать специальные боевые организации». Даже если в последних сражениях была проявлена чрезмерная поспешность, это лучше, чем опоздание, приводящее к поражению. Секретариат напоминал о том, что НКТ не уничтожена и продолжает действовать. Он предсказывал, что вскоре в Испании произойдет «решающее столкновение», и призывал рабочих всего мира следовать «испытанным методам борьбы анархо-синдикализма», извлечь уроки из борьбы испанских рабочих и оказать им необходимую помощь и поддержку. «Фашизм не победит! Фашизм испытает свое первое крупное поражение в Испании, и это поражение станет началом мощного контрнаступления, которое освободит Европу и мир от чумы Муссолини и Гитлера», — говорилось в воззвании [169].

Положение Секретариата МАТ в Испании становилось все более тяжелым. В начале 1934 г. был арестован Карбо, затем аресту подвергся Орбон Фернандес. В июне к работе в Секретариате вернулся Шапиро, но создать полномасштабный орган в полном составе так и не удалось. В итоге МАТ приняла решение о переводе Секретариата в Париж. Несмотря на трудности, Интернационал продолжал издательскую деятельность: выпустил 16 номеров пресс-бюллетеня на испанском и двух других языках, переиздал англоязычную брошюру, рассчитанную на ИРМ, и перевел материалы об Интернационале на японский язык [170].

Несмотря на трудности, Секретариат МАТ продолжал уделять первоочередное внимание положению в Испании. В послании, направленном в июне 1934 г. Национальному комитету и пленуму региональных организаций НКТ (копия была разослана всем секциям Интернационала), разъяснялось: «Со всех сторон, из Германии, Польши, Франции и других стран, где имеется секция МАТ, Секретариат получает информацию о состоянии духа наших товарищей, которую можно в концентрированном виде выразить следующим образом: «Международный фашизм разрушил наше революционное движение в большей части стран. Международный социализм во всех странах постыдно и преступно отступил перед маршем фашистской реакции. Только в одной стране мы по-прежнему надеемся на возможную победу социальной революции над ней — в Испании. С потерей Испании будет утрачена последняя надежда». Таким образом, испанская революция рассматривалась как последняя надежда для всемирного социально-революционного и анархо-синдикалистского движения [171].

Тем с большей озабоченностью анархо-синдикалистский Интернационал отнесся к тому, что в деятельности части НКТ проявились некоторые тенденции в пользу «совместного фронта» между НКТ и другими организациями, которые не имеют такой же конечной цели и не

придерживаются такой же тактики борьбы», то есть с социалистами и коммунистами, а также с контролировавшими ся ими профсоюзами. Эти явления, писали секретари МАТ, «глу боко потрясли интернациональное движение». Они напоминали: цель анархистской социальной революции — не завоевание политической власти, а разрушение ее, и в этом не может быть никакого компромисса «ради достижения практики единого фронта».

«Разве социалисты и коммунисты могут согласиться с идеей отказаться от завоевания власти? Согласится ли НКТ осуществлять часть этой власти?.. Может ли НКТ в совместном фронте с социалистами... согласиться с идеей программы — хотя бы временной, — которая включает, в первую очередь, переход контроля над экономической жизнью страны в руки НКТ, оставляя своим союзникам — социалистам рычаги государства?.. Будет ли ликвидирована армия? Продолжит ли функционировать система тюрем? Продолжит ли властвовать в социальной жизни парламентский режим?» — спрашивали секретари Интернационала испанских товарищей [172]. Они предсказывали, что анархо-синдикалистский рабочий союз НКТ не сможет осуществить свои социально-революционные задачи, если ограничится только экономическими функциями контроля над производством и откажется от своих задач в области распределения, воспитания и строительства новой жизни. Сохранение параллельных государственных органов привело бы лишь к непрерывной борьбе и обрекло революцию на гибель [173] (как пророчески звучит это предупреждение в свете последующих событий Испанской революции 1936—1937 гг.!). Поэтому Секретариат предостерегал от идеи сотрудничества с какой-либо партией, ведущей борьбу за политическую власть, даже в «предреволюционный период», поскольку та неизбежно будет стремиться к сохранению государства. Более того, МАТ выражала определенные опасения в связи с планами сотрудничества не только с партиями, но и с испанским социалистическим профобъединением ВСТ. Всеобщий союз трудящихся, подчеркивал Секретариат, не заявлял однозначно о своей поддержке социальной революции, не допускал возможности ликвидации государства, не выступал с критикой республиканского репрессивного режима и не давал никаких гарантий того, что в будущем не поддержит репрессии против анархистов. По мнению МАТ, речь вообще шла не о самостоятельной профсоюзной организации, а о приатке соцпартии, подчиненном ее вождям. В противовес идеям «общего фронта», Секретариат анархо-синдикалистского Интернационала рекомендовал испанским товарищам «совместный революционный фронт снизу» с тем, чтобы «отделить низовые организации ВСТ от контрреволюционной политики его вождей». Такое высвобождение, по мысли либертариев, должно было осуществляться в процессе роста революционного сознания в ходе «повседневного прямого действия, основанного на борьбе против политики, против выборов, парламентаризма и фашизма» [174].

Комментируя поражение восстания в Астурии в октябре 1934 г., бюллетень МАТ вновь отмечал, что «сражение проиграно, но борьба продолжается», «испанский пролетариат не побежден». Победены и дискредитированы левые партии, пытавшиеся совершить государственный переворот. «Социальная революция в Испании еще впереди». Бюллетень отвергал обвинения социалистов и коммунистов в адрес НКТ в «предательстве» восстания в Астурии и Каталонии. Он напоминал о том, что ни коммунисты, ни социалисты не поддержали восстание 8 декабря 1933 г., о репрессиях прежних левых правительств Испании против анархо-синдикалистов и отмечал, что НКТ не была заинтересована в

восстановлении левого правительства, «фашизма слева». К тому же ни социалисты, ни коммунисты не подняли восстание в других частях страны. Они и являлись, по мнению авторов статьи в бюллетене, действительными предателями революционного движения в Испании [175].

В связи с событиями в октябре 1934 г. и высказывавшейся даже в некоторых секциях критикой в адрес НКТ за то, что она не под держала восстание, Секретариат МАТ направил письмо Национальному комитету НКТ и пленуму делегатов от регионов. Он высказал убежденность в том, что «события октября 1934 г. про истекают непосредственно из двух источников — желания социалистов вернуть утраченную власть и желания коммунистов с помощью тактики единого фронта завоевать сторонников». Секретариат выразил сожаление в связи с тем, что не состоялась национальная конференция, намеченная пленумом НКТ после декабря 1933 г. Такая конференция могла бы не допустить «позиции наших товарищей из астурийской региональной организации по вопросу о едином фронте» и предотвратила бы таким образом ненужные жертвы. «Наша позиция по вопросу о едином фронте вам уже известна, — напоминали секретари. — После событий декабря 1933 г. и в преддверии вашего пленума мы писали вам, что никакой компромисс с политическими партиями невозможен. События октября, к несчастью, лишь ясно подтвердили обоснованность этого утверждения». По мнению МАТ, федерации в Арагоне, Андалусии и других областях Испании правильно сделали, что не позволили втянуть себя в чуждую им авантюру. Организации в Мадриде и Астурии, действовавшие в пакте с социалистами и коммунистами, делали это «вероятно, по соображениям оппортунистической психологии: будучи в меньшинстве в своих регионах, наши товарищи верили, что после всего социалисты и коммунисты могут быть достаточно революционными, чтобы идти рука об руку с анархистами, за освободительную революцию». Эта наивная вера не оправдалась. Авторы письма выражали надежду, что теперь НКТ «более чем когда-либо едины» в отклонении любых компромиссов, которые «могут привести только к новому предательству политиков и новым глубоким разочарованиям».

Секретариат отверг мнение, распространившееся «в самой Испании и внутри различных наших профцентров», что Национальный комитет НКТ несет ответственность за то, что не дал региональным организациям сигнал к восстанию. Прежде всего, такого сигнала и быть не могло. Национальный комитет — не орган для отдачи распоряжений, а орган координации. Еще один урок на будущее Секретариат видел в несостоятельности теории «меньшего зла». Эта «теория, как кажется, завоевывает умы наших товарищей, прежде всего, в тех странах, где царит интегральный фашизм», и предусматривает возможность «с учетом нашей количественной слабости» «делать выбор, к примеру, между частным капитализмом и государственным капитализмом, между диктатурой пролетариата и диктатурой фашизма, между буржуазной демократией и общественным консерватизмом», или, скажем, выбирать в Сааре между гитлеровской Германией и французским капитализмом в пользу второго, или сотрудничать в Испании с «социалистическими палачами» против «фашистских палачей». Секретариат напоминал, что это — выбор «между чумой и холерой». «Наши товарищи, пропагандирующие меньшее зло, просто не в состоянии понять, что на шим единственным выбором остается третий, о котором они полностью забывают: идти своим путем, не уклоняясь ни в одну, ни в другую сторону и, прежде всего, не вступая в компромиссы с нашими вчерашними и завтрашними врагами». В качестве

доказа тельства МАТ ссылалась на опыт российских анархистов, уничтоженных большевиками. Выступив «против этой теории меньшего зла, которая пытается отклонить наше движение к опасному оппортунизму», Секретариат выразил надежду на то, что «НКТ сможет... укрепить связи, объединяющие всех ее членов вокруг ясно сформулированной революционной программы, исключаящей любой компромисс и любые попятные к оппортунизму — как в период выборов, так и в революционный период».

МАТ отвергла и второй аргумент, выдвигавшийся в порядке критики действий НКТ: та якобы не воспользовалась благоприятным психологическим моментом, чтобы вывести массы на улицу. Секретариат напомнил о том, что социальная революция не совершается «механически» индивидами или группами, но делается именно самими массами. Если бы сами массы в октябре 1934 г. хотели революции, «восстание было бы всеобщим, и региональные и местные органы НКТ действовали бы как следует, увлеченные разливающимся бунтом крестьян и рабочих». «...Психологический момент никогда не подготавливается в мозгу наших активистов. Он имеет глубочайшие корни среди самих трудящихся масс. Наша обязанность, как активистов, — не быть застигнутыми врасплох, когда энтузиазм масс взывает к действию. Наш долг — развивать творческий дух революции у крестьян и рабочих и быть готовыми оказать им нашу сознательную и организованную помощь в тот день, когда восстание разразится среди самого пролетариата».

Секретариат МАТ подчеркивал необходимость реорганизации НКТ «на основах, которые создадут постоянную, эффективную и бдительную связь между Национальным комитетом и региональными организациями, не допустят, чтобы товарищи действовали под свою ответственность». Такие не скоординированные действия региональных организаций, как в Астурии, придают ложное толкование принципу федерализма и не позволяют «выработать тактику организации и революционной борьбы». МАТ подчеркнула так же необходимость упорядочить взимание членских взносов в НКТ и собрать наконец конгресс, которого не было с 1931 г., несмотря на кардинальное изменение ситуации [176].

Секретариат призвал также оказать помощь жертвам реакции в Испании, образовать фонд солидарности, собирать средства и т.д. [117]. Был образован фонд «Для НКТ». В различных странах и организациях был начат экстренный сбор в фонды поддержки НКТ и заключенных; газеты публиковали списки и сведения по сбору средств [178]. Так, во Франции к 15 сентября 1935 г. было собрано 5512 франков 60 сантимов [179].

Первомайский манифест 1935 г. провозгласил девиз «Против войны — Против фашизма — Против государства» и еще раз подтвердил надежды, возлагавшиеся междунаrodnым анархо-синдикализмом на Испанию. В документе подчеркивалось, что фашизм, капитализм и государство — «это война», и на повестку дня все больше встает проблема «революции против реакции». В этих странах борьба ведется, в первую очередь, за 6-часовой рабочий день и против сокращения зарплаты. В других — и, прежде всего, в Испании — речь идет о социальной революции против фашизма [180].

Анархо-синдикалисты и далее проводили кампании в поддержку забастовочных выступлений рабочих в различных странах. Секретариат МАТ призвал в 1933 г. к солидарности с бастовавшими моряками Финляндии. Испанские моряки приняли решение

бойко тировать финские суда, и анархо-синдикалисты стремились убедить трудящихся в других государствах прибегнуть к той же мере [181].

В международном анархо-синдикалистском движении сохранялись серьезные разногласия по многим тактическим и теоретическим вопросам. Характерно, что, опубликовав осенью 1933 г. статью ветерана синдикализма Х. Корнелиссена, содержащую «еретическую» для многих анархистов идею сохранения денег при либертарном коммунизме, редакция пресс-бюллетеня МАТ сочла нужным в извиняющемся тоне оговориться: «Печатая эту статью в нашем пресс-бюллетене, мы хотели бы рассматривать его (Корнелиссена — В.Д.) интересные замечания относительно проблемы денег после революции лишь как ценный вклад во все еще не завершенную окончательно дискуссию по этому вопросу» [182].

Что касается тактики, то здесь в центре дискуссии находилось создание предложенного коммунистами единого фронта в борьбе с фашизмом. «...Повсюду, где имеются политические партии и рабочие организации различных направлений, это жгучий повседневный вопрос», — отмечалось в бюллетене МАТ. Секретариат Интернационала разослал в 1934 г. циркулярное письмо секциям с просьбой высказать свою позицию по данной проблеме [183]. В ходе этого референдума все секции, кроме немецкой, высказались против создания единого фронта.

Немецкие анархо-синдикалисты считали, что такое сотрудничество стало бы необходимым уроком из поражения рабочего движения в Италии и Германии. Перед лицом нацистской диктатуры, они были согласны с единым народным (не только пролетарским) фронтом без всяких условий, надеясь все же на то, что им удастся в будущем не стать жертвой буржуазной демократии или большевизма и что либертарные идеи закрепятся [184].

Другие анархо-синдикалистские организации отвергли создание единого фронта, но при этом расставляли акценты несколько по-разному.

Так, 5-й конгресс французской РСВКТ в ноябре 1934 г. принял резолюцию, в которой единство трудящихся в борьбе против фашизма и войны признавалось «неизбежной необходимостью». В то же самое время отвергались соответствующие предложения коммунистов, равно как и любой вариант союза, не имеющий в виду радикальное преобразование существующего общества посредством либертарной и антигосударственной революции. Настоящее единство трудящихся возможно лишь в рамках профцентра, независимого от политических партий и правительств [185].

Анархистская федерация Польши попыталась получить у комитетов единого фронта ответы на вопросы, имеют ли они единые уставы во всех странах, исходит ли инициатива их создания от Коминтерна, согласны ли они с нападками коммунистов на анархистов и готовы ли требовать освобождения политзаключенных в России. Получив ответ, что необходимо защищать СССР и не критиковать его, поскольку Советский Союз нельзя ставить на одну доску с капиталистическими государствами, польские анархисты отвергли единый фронт [186].

Русские анархо-коммунисты в США и Канаде, сотрудничавшие с МАТ, на конференции в сентябре 1934 г. в Чикаго подтвердили резкое осуждение большевиков и социал-демократов и заявили о том, что считают «единый фронт с партиями диктаторского социализма, которые являются духовными отцами фашизма, абсолютно невозможным». Речь о подобном взаимодействии могла бы идти лишь в том случае, если бы социалистические партии отказались от идеи диктатуры и если бы такой фронт был создан и в самой России, то есть если бы режим компартии освободил всех политзаключенных. В противном случае это лишь обманчивый маневр со стороны коммунистов и социал-демократов, провозгласили анархисты-эмигранты. Они настаивали на традиционной позиции синдикалистов: «Единый фронт абсолютно необходим, но такой единый фронт должен быть создан самим рабочим классом в прямом действии против капиталистической государственной системы, без государственно-социалистических и государственно-коммунистических партий и даже против них, поскольку их полная победа, как в России, привела бы лишь к установлению “красного фашизма”». Борьба против фашизма, по мнению русских анархистов, означает войну с любой диктатурой, служащей основой фашизма. Они выступили за единство действий пролетариата снизу, за «единый фронт революционных рабочих всего мира» в рамках и в форме «классовых, революционных и экономических организаций пролетариата», то есть анархо-синдикалистских союзов. Самый лучший способ борьбы с фашизмом — это стачки, бойкот и другие «драконовские меры». «...Социальная революция — это не только война против фашизма, но и война за установление анархистского коммунизма» [187].

Шведская секция МАТ попыталась разработать общие положения тактики по вопросу о союзах и сотрудничестве. САК заявила, что объединение социалистических масс в единый фронт для борьбы с общим врагом в принципе желательно, но его возможность в настоящее время невелика и по мере приближения борьбы к решающей фазе социальной революции будет только снижаться. САК считала единый фронт между различными течениями рабочего движения в борьбе за текущие цели в виде «боевого содружества» с заранее определенными и ограниченными задачами, например для отражения наступления реакции, против реакционного законодательства, для борьбы с фашизмом и т.д., теоретически возможным. Что касается борьбы за позитивные цели, то в этих вопросах

шведские синдикалисты полагали такой фронт почти невозможным, поскольку он наталкивался бы на непреодолимые теоретические разногласия. Синдикализм, заявляли они, не может идти на компромиссы с государственными партиями и профсоюзами и соглашаться на единый фронт с целью завоевания власти, не переставая быть самим собой. Однако САК допускала и приветствовала совместную борьбу пролетариата в конфликтах, начатых представителями других течений: «Если официальный единый фронт не может быть установлен, то это отнюдь не должно исключать то, что все течения будут стоять бок о бок в проводимых боях, поскольку выигрыш боя будет иметь очень большое значение, даже если его цели не могут в полной мере приветствоваться. Ведь проигранный бой может стать решающей победой для реакции. Для подобных ситуаций невозможно разработать общие правила». Иными словами, иногда может возникнуть необходимость присоединиться к борьбе, начатой другим направлением рабочего движения. Но в революционных ситуациях крайне важно именно самостоятельное действие анархо-синдикалистов, подчеркивала САК [188].

Интернационалистская позиция анархо-синдикалистов нашла отражение в заявлении, сделанном в связи с референдумом, который проводился 13 января 1935 г. в Саарской области по вопросу о ее присоединении к нацистской Германии. Заявление было подписано немецким ФАУД, французской РСВКТ и Секретариатом МАТ. В нем констатировалось, что Саар, будучи в языковом, культурном и образовательном плане частью Германии, был отторгнут от нее в соответствии с политическими интересами. Сторонники «временного» сохранения Саара под французским контролем ссылались на то, что в Германии у власти находится Гитлер. Анархо-синдикалисты расценили подобную аргументацию как «оппортунизм», поскольку жители Саара не могут «спасти ни мир, ни Германию». Они призвали население голосовать против обоих вариантов, поскольку никто не имеет права заставлять его выбирать «меньшее из зол». Жители области должны сами бороться за свободу и независимость, вести революционную борьбу и против французской империалистической буржуазии, и против диктаторской Германии [189].

Комментируя результаты референдума, принесшего победу сторонникам присоединения к Германии, бюллетень МАТ отмечал:

«Гитлер правил два года и не выполнил ни свою социальную, ни экономическую программу, ему пришлось задушить мятежи в собственном лагере — но эти два года еще ничего не значат для менталитета немецкого народа. Процесс утраты иллюзий массами продвигается вперед очень медленно. Рабочие не использовали кризисы системы... Требуется более длительное время для того, чтобы преодолеть все иллюзии в отношении фашизма и найти соответствующую технику борьбы». Тем не менее анархо-синдикалисты по-прежнему были убеждены, что нацистский режим не сможет решить насущные проблемы. «Социальная нужда будет расти, милитаристская дрессировка масс к грядущей войне и далее будет стоять в центре жизни народа. По мере того как в ходе этого развития национал-социализм будет терять симпатии в народных массах, этим массам придется показать и новые пути к их активному самоосвобождению» [190].

В осуждении анархо-синдикалистами идеи «единого фронта» содержался и еще один момент, напрямую связанный с назревавшей войной. Они считали такой фронт

подчинением рабочих интересов правительству СССР, которое, в свою очередь, присоединяется к империалистическому блоку государств — противников Германии. «Эти маневры единого фронта не имеют никакой реальной революционной ценности для действительного единства между различными социалистическими силами отдельных стран, а скорее представляют собой подготовку нового 1914 года для международного социалистического движения. Рабочие должны быть снова превращены своими собственными вождями в безвольный военный материал для национальных грабительских империалистических целей!» Точно так же анархо-синдикалисты отвергли призывы пацифистов к союзу антифашистских государств и защите вооружений этих государств под предлогом антифашизма. В таких позициях они видели «чудовищную опасность» для социализма, поскольку тот «приносится в жертву интересам определенной группы государств, которая направлена против Германии и ее будущих союзников». Победа этого блока привела бы лишь к господству большевистского государственного капитализма или какого-либо другого империализма-победителя. Единство, повторяли анархо-синдикалисты, возможно только помимо всех партий и в борьбе за разрушение любой государственной машины. Такое единство они представляли себе в форме экономических и культурных организаций трудящихся — основы будущего общества и как органов антигосударственной и антимилитаристской борьбы в настоящее время.

Выступая за «последовательно интернациональный, революционный антимилитаризм», анархо-синдикалисты предупреждали, что если в ходе будущей войны Германия столкнется с «национально замкнутыми на себя народами», то это лишь послужит укреплению влияния нацистской пропаганды. Напротив, они надеялись на то, что «если в случае войны в соединившихся против рейха государственных областях или лишь в той или иной стране вспыхнут социально-революционные восстания против войны, то это послужит сигналом и для восстания угнетенных немецких рабочих...» [191].

Конгресс 1935 2.: победа «французской» линии

С 24 по 31 августа 1935 г. в Париже заседал 5-й конгресс МАТ. В нем принимали участие всего шесть секций — французская, шведская, испанская, голландская, итальянская и немецкая (последние две находились в эмиграции) [192]. Связи с секциями и группами в латиноамериканских странах, где по большей части существовали диктаторские режимы, к этому времени почти прервались [193]. Делегаты от этих организаций не смогли приехать на конгресс. Организаторов — французскую РСВКТ — представляли Пьер Бенар, Ж. Тубле, Ведрен, Рошар и Дюфур [194].

На обсуждение были вынесены следующие вопросы: отчет о работе Секретариата и финансовый отчет за апрель 1933 — декабрь 1934 гг., доклады секций Интернационала — о едином фронте и единстве действий, об угрозе войны, о защите революции, о международной реорганизации синдикализма, о предреволюционной и послереволюционной организации, о молодежном движении, об организации и работе МАТ, изменении ее статута, об избрании нового Секретариата и др.

Конгресс открыл секретарь МАТ Шапиро, передавший слово для приветствия Бенару. Приветствуя конгресс, французский синдикалист признал, что Интернационал не достиг тех целей, которые ставил перед собой при его создании: фашизм не ограничился Италией, а оказался международной доктриной, не только не исчез, но и распространился на значительную часть Европы; доктрина классового сотрудничества сохраняется, несмотря на все поражения реформизма, парламентаризма и реформистского синдикализма. Правда, советский коммунизм в других странах, по мнению Бенара, отступал. Однако, «хотя МАТ не достигла поставленных перед ней целей, силы, против которых она выступает, тем более не смогли реализовать свои намерения так, как они того хотели». Тем не менее выступавший подчеркнул, что анархо-синдикализм сильно ослаблен в Германии, Южной Америке, Испании и даже во Франции. До победы еще далеко, заявил он. Объективные причины этого, по мнению Бенара, следовало искать «в общей неадекватности наших сил в мире, в слабости наших выразительных средств, в преградах, с самого начала стоявших на нашем пути, и... в слишком медленном прогрессе наших идей, во все еще сильной вере масс в спасителя, Мессию, в согласии с доктриной об общих интересах (между трудящимися и капиталистами. — В.Д.), какой бы ложной она ни была». Преодолеть эти проблемы может помочь только опыт самих масс. Что касается проблем, «зависящих исключительно от нашей воли», то к ним французский синдикалист отнес «неадекватность нашей доктрины» в таких вопросах, как отношение к войне, практическая борьба против фашизма, характер и средства защиты революции, представление о том, что делать после революции, а также «неадекватно ясную тактику МАТ» в том, что касалось единого фронта и единства действий, «гетерогенный характер нашего международного движения», «абсолютно ошибочное функционирование административного и исполнительного аппарата МАТ, отсутствие механизмов контроля». Бенар возложил ответственность за эти упущения на

два предыдущих конгресса МАТ, особенно Мадридский, которые, с его точки зрения, недостаточно изучили вопросы и обстоятельства, растратив время на менее актуальные темы. Он призвал покончить «с этим наследием», обрести однородность с помощью реорганизации движения, усовершенствовать деятельность организации, сделав так, чтобы Административное бюро действительно работало, и создав для контроля над Секретариатом «административную комиссию». Следовало также решить вопрос о фашизме и о войне, особенно в связи с тем, что началась итало-эфиопская война, угрожавшая перерасти в мировой конфликт.

Делегаты одобрили отчет о работе Секретариата, вызвавший ряд вопросов со стороны делегаций Испании, Голландии и Франции, финансовый отчет, а также отчет А. де Йонга о работе Международной антимилитаристской комиссии (после некоторых разъяснений). Новому Секретариату было поручено финансировать издание пресс-бюллетеня комиссии, «пропорционально наличности и пополнению фондов». Были заслушаны отчеты секций [195].

По предложению делегации УСИ, была единогласно утверждена резолюция против итало-эфиопской войны. Этот конфликт, заявили анархо-синдикалисты, «искусственно создан итальянским фашизмом», являясь «необходимым отвлечением от критической ситуации, в которой находится Италия, как в политическом, так и в экономическом отношении». Они видели в экспансионизме и авантюризме Муссолини не только проявление «этатистской гегемонии», свойственной «всем капиталистическим государствам, и прежде всего фашистским и диктаторским», но и попытку правящей в Италии клики смягчить таким образом проблему безработицы. В то же самое время МАТ обращала внимание трудящихся мира на «неизбежную» опасность превращения конфликта в международное столкновение, «спровоцированное из внутривнутриполитических соображений итальянским фашизмом и принятое... в их собственных интересах франко-английскими плутократиями». Она резко осудила заявления Муссолини о «расовой войне», заявив, что «не делает никаких социальных различий между белыми, черными и желтыми» и призывает эксплуатируемый пролетариат всего мира, какого бы цвета кожи он ни был, объединиться в общей борьбе против эксплуататора-капитализма». Только в единстве трудящихся «колониальных народов» и метрополий содержится «революционная мощь, способная разбить государственную и капиталистическую мощь как империалистического фашизма, так и так называемой буржуазной демократии». Синдикалисты отвергли также «лживое вмешательство» Лиги Наций и «роковую политику» социал-демократов и коммунистов, которые пристегивают трудящихся «к колеснице франко-английского империализма», призывая их к миру с правительствами этих стран. Надеясь, что война может способствовать усилению кризиса и недовольства в Италии, Интернационал призвал УСИ «перестроить свои ряды на случай возможного столкновения между фашизмом и армией, между режимом и народом» [196].

По проблеме «единого фронта» конгресс единодушно одобрил позицию, аналогичную той, которая была высказана французской РСВКТ на ее 5-м конгрессе в ноябре 1934 г.

В резолюции по этому вопросу делегаты отметили, что «идеологическое и боевое единство рабочего класса» служит первоочередным условием успеха социальной революции,

позволяя не только разрушить капиталистический режим, но создать новое либертарно-коммунистическое общество. Но анархо-синдикалисты заявили, что отказываются обсуждать возможность единства действий, не предусматривающего ликвидацию государства и капитализма, поскольку такие действия, по их мнению, вели лишь к новым привилегиям за счет трудящихся. Соответственно МАТ от вергла даже временные соглашения и договоренности с политическими организациями, стремящимися к завоеванию власти, любые «единые, общие народные или иные фронты» под предлогом борьбы против фашизма. Секции Интернационала должны были следовать за тем, чтобы борьба организованного пролетариата против фашизма не сбивалась со своей цели в авторитарном направлении. Осудив «опасную тактику» профсоюзов, связанных с политическими партиями, конгресс призвал «революционное крыло пролетариата» объединиться вокруг организаций МАТ и бороться за ликвидацию капитализма и разрушение государства — «предварительное условие строительства либертарного коммунистического общества». В противовес «единому фронту политиков всех оттенков» МАТ призвала к «общему революционному фронту снизу», к повседневному революционному прямому антигосударственному действию, основанному «на антиполитической, антивыборной, антипарламентской и антифашистской борьбе» [197].

Что касается отношения МАТ к войне, то делегаты утвердили резолюцию, подтверждавшую традиционную антимилитаристскую линию анархо-синдикализма. Интернационал вновь заявил, что правящие классы не могут разрешить свои межимпериалистические противоречия иначе, как силой оружия, и потому осуществляют лихорадочную гонку вооружений. «Непосредственная угроза» для всеобщего мира исходит от осуществляемого фашизмом вооружения Германии, Версальская система потерпела крах, и началась борьба за передел мира. МАТ обрушилась с резкой критикой на сближение СССР с капиталистическими государствами, вступление Советского Союза в Лигу Наций и «историческую декларацию Сталина в пользу французского империализма и милитаризма»¹⁹⁸. Формируется блок капиталистических и фашистских государств, союзных Советскому Союзу, и лозунг «защиты СССР» означает призыв к трудящимся встать на сторону этого блока. «...Единый фронт партий II и III Интернационалов есть по сути единый фронт за войну, подготовка к новому священному союзу и, как следствие, предательство всех принципов международной классовой борьбы».

Одновременно делегаты конгресса подчеркнули: «...Пропаганда против гитлеровской Германии, которую ведут II и III Интернационалы, означает подготовку нового кровавого священного союза в политических интересах мировой капиталистической буржуазии... Задача пролетариата каждой страны состоит не в том, чтобы выбирать в империалистическом конфликте между более и менее фашистскими государствами, а в том, чтобы всегда и повсюду, при всех обстоятельствах выступать против своих собственных эксплуататоров и угнетателей... Борьба против фашизма не может вестись в соглашении с буржуазией другой страны, но единственно пролетариатом каждой страны против своей собственной буржуазии... Фашизм не может быть опрокинут иначе, как социальной революцией». Конгресс призвал все секции немедленно развернуть активную антивоенную пропаганду и начать подготовку мер для предотвращения войны — «создать во всех отраслях, производящих вооружения и необходимых для войны, комитеты действия» для того, чтобы в случае надобности организовать акты саботажа, бойкота этой

промышленности и транспорта и подготовки революционной всеобщей стачки. Если война все же начнется, «задачей пролетариата будет как можно быстрее превратить войну между государствами в революционную борьбу, повернуть рабочих и солдат против своей собственной буржуазии, даже если сопротивление сможет начаться всего лишь на части территории страны, с целью дезорганизовать армию и ее промышленную и экономическую основу, организовать братание с пролетариатом других воюющих стран и, наконец, продвинуть вперед социальную революцию, вплоть до уничтожения государства и его военного аппарата».

При голосовании воздержалось лишь голландское НСП, которое настаивало на отказе трудящихся от работы в военной промышленности и в отраслях, связанных с войной. Делегация анархо-синдикалистов этой страны заявила, что не может поддержать резолюцию, поскольку ее федерация металлургов уже приняла решение не работать на предприятиях, служащих военным нуждам¹⁹⁹. Вопрос о защите революции должен был обсуждаться еще на предыдущем конгрессе 1931 г. в Мадриде, но был отложен из-за нехватки времени. Теперь голландское НСП возражало против мер по вооруженной защите революции, а французская РСВКТ выступала в их поддержку. Конгресс одобрил точку зрения французских синдикалистов. В резолюции повторялась позиция по вопросу о пролетарском насилии, сформулированная в декларации принципов МАТ. Было заявлено, что насилие может быть навязано рабочему классу в случае революции внутренней и внешней реакцией. Поэтому «защита завоеваний революции становится непременным условием самой победы революции». Оставив за каждой секцией возможность избирать адекватные методы такой защиты и не навязывая им «тот или иной метод защиты и революционного насилия», МАТ считала, что..в эпоху острого противостояния между социальной революцией и фашизмом весьма серьезна «вероятность вооружения пролетариата с учетом возможности вооруженного нападения со стороны реакции». Поэтому конгресс призвал секции срочно изучить эту проблему, «с точки зрения принципов синдикализма и революционной тактики», а также «создать немедленно и на всех уровнях органы подготовки к предреволюционной и послереволюционной деятельности». В рамках подготовки к революции следует развернуть активную пропаганду среди солдат и военных моряков, с тем чтобы армия, авиация и флот или часть их присоединились к революционному движению. Необходимо изучить возможность овладения армейскими складами и амуницией, а также военными предприятиями, запасами продовольствия и всего необходимого с целью немедленно приступить к реорганизации производства и обмена. Согласно утвержденному плану, синдикальные организации на всех уровнях должны были создать ответственные перед ними и действующие исключительно по их решению органы подготовки к предреволюционным и после революционным действиям. Этим органам предстояло, в свою очередь, образовать технические секции для изучения вопросов военной и экономической организации; на местном, региональном и общенациональном уровне следовало разработать планы для обеих этих форм организации. В свете предстоящего противоборства с реакцией и фашизмом конгресс считал «нежелательной систематическую пропаганду разрушения вооружений и боеприпасов, которую народу предстоит овладеть перед началом или в ходе борьбы, ведущейся пролетариатом против капитализма и государства». Теперь анархо-синдикалисты сочли, что такие меры могут оставить революцию беззащитной. Конгресс уполномочил Секретариат призвать все секции изучить возможности помощи революции, которая могла бы вспыхнуть в какой-либо стране, прежде

всего — в Испании.

За эту резолюцию высказались все присутствующие делегации, за исключением воздержавшихся голландцев [200].

Проблема международной реорганизации синдикализма обсуждалась на Мадридском конгрессе 1931 г., но решение не было принято из-за разногласий. Соответствующий доклад Бенара был разослан секциям на референдум. Однако этот референдум не состоялся. Теперь вопрос снова обсуждал конгресс МАТ. В отсутствие основных противников — южноамериканских делегатов конгресс единогласно одобрил предложения РСВКТ, а также поручил Секретариату изучить возможности введения единого членского билета МАТ с тем, чтобы скоординировать взимание взносов. Участники постановили также, что члены, состоящие в одной из секций Интернационала, должны, в случае переезда в другую страну, где имеется секция МАТ, перевестись в нее [201].

Одобренные меры призваны были, согласно принятой резолюции, дать адекватный ответ на «экономическую, политическую и социальную рационализацию капитализма в мировом масштабе» и на новые формы капиталистической организации и эксплуатации в лице международных отраслевых и межотраслевых картелей и трестов. Синдикализм, говорилось в решении конгресса, «полностью отстает от противников — предпринимателей, поскольку не модифицировал должным образом свои внутренние структуры... не приспособил... свое действие к происходящим событиям». Конгресс постановил перестроить анархо-синдикалистское движение мира по единой структуре, которая включала бы цеховые комитеты, фабричные советы, отраслевые синдикаты, местные союзы профсоюзов, региональные и национальные отраслевые союзы, национальные профцентры, национальные советы труда, интернациональные отраслевые федерации и их картели и, наконец, Интернационал [202].

Парижский конгресс МАТ приветствовал существование активных молодежных синдикалистских группировок в Чили, Швеции, Голландии и Испании и единогласно высказался за организацию молодежи «на федералистской и антиэтатистской основе... с целью подготовки будущих кадров для наших революционных синдикалистских организаций». Было принято решение предложить молодым социалистам Чили, молодым синдикалистам Швеции, Голландии, Франции и других стран, а также либертарной молодежи Испании изучить возможность создания Международной ассоциации трудящейся молодежи, работающей под эгидой МАТ [203].

По предложению РСВКТ были внесены изменения в статуты МАТ. Так, конгресс МАТ должен был теперь проводиться минимум раз в три года, а не раз в два года, как прежде (статья 6). Его повестка дня определялась на последней перед конгрессом сессии Административного бюро и сообщалась Секретариатом секциям минимум за три месяца до форума. В статье 8 было зафиксировано, что Административное бюро проводит пленарные сессии минимум один раз в год, а внеочередные — по требованию минимум трех секций МАТ. В исключительных случаях внеочередная встреча Бюро могла быть созвана одной из секций. Повестка дня сессии сообщалась секциям за месяц до ее проведения. Было вынесено также решение поручить Секретариату в сотрудничестве с секциями издать Декларацию

принципов ^ статуты МАТ на различных языках.

Однако конгресс не принял предложение РСВКТ о создании нового органа по контролю за деятельностью Секретариата — Административной комиссии, образуемой из четырех членов секции той страны, в которой он размещался. По предложению французского делегата Дюфура, вопрос был вынесен на обсуждение секций и на рассмотрение 6-го конгресса.

Была принята резолюция в поддержку «всех жертв произвола властей и мирового фашизма», всех революционеров, арестованных в капиталистических странах. МАТ выразила протест против репрессий в СССР, а также почтила память анархистов, убитых в различных странах (Мюзама в Германии, Василева в Болгарии, Рогдаева в России) и призвала усилить международную солидарность в поддержку арестованных в Испании, Германии, России и других государствах. Секретариату было поручено координировать работу немецкого и русского фондов, фонда в поддержку НКТ, Международного фонда солидарности в Голландии и т.д. Конгресс постановил также провести три международных дня сбора средств на цели солидарности — 1 мая (в фонд международной помощи; первомайские марки должны были стоить по 1 франку, в Швеции — по 2 франка), 7 ноября (в русский фонд, в помощь анархо-синдикалистам и анархистам, заключенных в России) и в годовщину убийства Эриха Мюзама (в немецкий фонд).

Делегаты подтвердили необходимость переизбрания секретарей, но постановили, что двое из них должны продолжить исполнение своих обязанностей для организации передачи дел и консультирования новых секретарей. Кандидатуры членов нового Секретариата должны были быть назначены секциями (САК, голландским НСП, НКТ и РСВКТ) и утверждены следующей сессией Административного бюро. Размещение нового Секретариата в Испании было невозможно, а РСВКТ отказалась принять эту функцию на себя по практическим соображениям и предложила Стокгольм. Но делегаты конгресса постановили, что его резиденцией будет Амстердам [204].

Французская РСВКТ праздновала победу. «...5-й конгресс хорошо поработал, — комментировал ее печатный орган, газета «Лё Комба синдикалист». — Несомненно, он не решил всех нелегких задач, которые ему достались, но он проделал достаточную — и хорошую — работу... Он сумел сойти с протоптанных тропинок доктрины и принципов и смело проникнуть в область конкретного и практического, одним словом, актуального». Французские синдикалисты считали теперь, что идейные споры завершены: «Противоречия в вопросах доктрины, которые продолжались на протяжении 15 лет, позволили поставить финальную точку во всех вопросах, касающихся нашего движения, — ее позиции и ее будущего». Дальнейшие споры, по их мнению, были «бесполезны и напрасны»; секции получили ясные решения, и теперь задача в том, чтобы воплотить их в жизнь²⁰⁵. В действительности, однако, все обстояло совсем не так. Принятые решения так и не были осуществлены, а вскоре были совершенно отодвинуты на задний план другим событием, которого так долго и с такой надеждой ждали, — революцией в Испании. Можно согласиться с мнением испанского исследователя Муньоса Конгоста: одобренные меры базировались на «недостаточном изучении преобладавших реалий... Ни тогда, ни позднее Интернационал был не в состоянии построить сложные структуры, предложенные конгрессу

и одобренные им...» [206].

Навстречу Испанской революции (1935 -1936 гг.)

К 1936 г. мир, по оценке анархо-синдикалистов, оказался у решающего поворота. С одной стороны, ощущалось приближение новой войны. МАТ обвиняла в ее подготовке не только властолюбивых диктаторов (Муссолини, Гитлера и Сталина) и японский империализм, но и демократические капиталистические государства, которые, как говорилось в воззвании Секретариата МАТ «Против всех войн» (16 марта 1936 г.), «вооружаются до зубов, как бандиты с большой дороги» «под предлогом сохранения мира и соблюдения договоров». «Головокружительная гонка вооружений, в которой сегодня участвуют все страны, неизбежно предполагает очень скорое перепроизводство военных материалов. Останется лишь одно средство затормозить это насыщение — война». От нового мирового конфликта человечество, как казалось, отделяли, быть может, считанные месяцы. Перед лицом приближавшейся войны МАТ призывала трудящихся «во весь голос провозгласить, что родина не существует для тех, кто остается эксплуатируемым и поработанным, что любая война является антипролетарской по своему империалистическому и капиталистическому характеру, кто бы ни был “формально” первоначальным агрессором, что, следовательно, не бывает оборонительной войны и что политические границы созданы только с целью облегчить ведение периодических войн, призванных ослабить, а по возможности и разрушить малейшие попытки к восстанию поработанных народов».

Анархо-синдикалисты продолжали пропагандировать революционную борьбу против милитаризма и «всеобщую повстанческую экспроприационную стачку», способную предотвратить войну и поднять массы на «социально-освободительную революцию». МАТ призвала свои секции немедленно «объединить вокруг себя все элементы, способные усилить действия в указанном направлении».

«...Нельзя терять времени, — подчеркивал Секретариат. — Каждый день приближает нас к катастрофе»²⁰⁷. В том же духе было выдержано и традиционное обращение к годовщине начала Первой мировой войны: «Против подготовляемой бойни», «против войны — всеобщая стачка» [208].

В воззвании к 1-му Мая 1936 г. анархо-синдикалистский Интернационал еще раз подтвердил ориентацию на социальную революцию: «...Перед лицом все более критической ситуации, порождая во всем мире империалистическими войнами и победоносным маршем фашизма, наша революционная тактика побуждает нас не только искать кардинальные решения всей проблемы социального преобразования, но и использовать методы борьбы, благодаря которым быстрое, массовое и эффективное действие пролетариата позволит разбить стену, уже возведенную капитализмом и государством. Это быстрое и эффективное действие возможно лишь в том случае, если всеобщая стачка, раз начавшись, немедленно приобретет характер экспроприации посредством овладения фабриками, полями и мастерскими и одновременного разрушения всех государственных

механизмов угнетения». МАТ провозгласила лозунг: «Революционная борьба пролетариата против капитализма и государства и против любой войны, порождаемой ими, посредством всеобщей экспроприационной стачки. Разрушение государства. Ликвидация капиталистической системы». Анархо-синдикалисты подчеркивали решающий, переломный характер момента: «...Борьба, ведомая пролетариатом, вышла за рамки частичных и паллиативных требований рабочего класса. Эта борьба вступила в свою решающую фазу: Фашизм или Революция» [209].

В новой ситуации, с точки зрения МАТ, как никогда важно было не сворачивать с прямого пути, не идти на уступки и компромиссы. В связи с выборами в Испании и Франции в 1936 г. Секретариат МАТ выпустил воззвание «МАТ перед лицом кризиса демократии, выборов и опасности меньшего зла». Напомнив о принципиально негативном отношении анархо-синдикалистов к «коллективному психозу» выборов и рабскому принципу «делегирования власти» до следующих выборов, МАТ вновь выступила против тактики «меньшего зла» —отказа от принципиального неучастия в выборах в надежде на победу левых. В качестве положительного примера Секретариат привел позицию НКТ в ноябре 1933 г., когда та своим призывом к неучастию в голосовании не только объявила войну всем политическим партиям, включая левых, но и еще раз продемонстрировала принципы и конструктивную альтернативу.

В 1936 г. ситуация, по мнению Секретариата МАТ, не изменилась, поэтому следовало вновь занять ту же самую позицию. Интернационал подверг критике «неуверенность» и «колебания», возникшие в НКТ по этому вопросу, аргументы о том, что бойкот выборов — это скорее тактика, чем принцип, что неучастие в выборах помогает победе правых и т.д.

Анализируя принцип бойкота выборов, Секретариат выделял «пассивное» и «победоносное» неучастие. Первое имеет место в таких странах, как Франция, где «сознательное неучастие революционных масс может сегодня повлиять лишь на пропаганду наших идей, но отнюдь

не на действительные результаты всеобщих выборов». Там оно «носит всего лишь характер декларирования принципов». Иначе обстоит дело там, где массовое неучастие может радикально повлиять на результат, как, например, в Испании. Там «пассивное неучастие» в голосовании является «стерильным движением», «если оно не несет в себе ростков динамики». По мнению Секретариата Интернационала, в 1933 г. «победоносное неучастие» не привело к победе не потому, что НКТ призвала бойкотировать выборы, а потому что она мало занималась тем, что должно последовать за этим, и в результате восстание в декабре 1933 г. не удалось. Теперь «в Испании эти основы уже разработаны. Должна быть использована любая благоприятная возможность для того, чтобы направить нашу борьбу в направлении прямого революционного действия. В борьбе против реакции и государства всеобщая экспроприационная стачка может и должна стать прелюдией к этому действию. Победоносное неучастие в выборах, которое ставит государство и его машину в неприятное положение... также может и должно быть прелюдией к такому действию, если не хочет потерять эффект динамики...».

Секретариат задавал вопрос, не желают ли испанские анархо-синдикалисты «в критический момент своего существования взять назад свое объявление войны правым и левым политикам и одно временно отречься от своей декларации принципов»?

По мнению Секретариата МАТ, испанским синдикалистам следовало сделать одно из двух. Либо, «чувствуя, что на сей раз их пропаганда неучастия в выборах не будет столь эффективной, как в 1933 г., предпочесть, чтобы она сохранила всю свою ценность декларирования принципов». Или же, если и сейчас есть шанс на то, что неучастие вызовет парламентский и правительственный кризис, и если НКТ достаточно подготовилась к последующему развитию событий, принять «все необходимые меры, чтобы использовать эту ситуацию в единственном направлении, способном развязать этот gordiev узел, — направлении Социальной революции».

Интернационал еще раз повторил, что «в борьбе против фашизма есть лишь одно решение — революция. Любое другое решение, такое как поддержка взятия власти левыми в надежде, что те дадут расширенные конституционные свободы, которые можно отобрать в любой момент, — есть лишь мираж, полный горьких разочарований». Секретариат напоминал об огромной ответственности, которая лежала на испанской секции: НКТ должна «быстро и категорически» решить этот вопрос; «никакого оппортунизма, никакого компромисса, никакого уклона». «Необходимо избежать этой ошибки любой ценой, поскольку от линии, которую смело займет НКТ, зависит не только сама Испанская революция, но и судьба революционного движения во всех других странах» [210].

Но и в ситуации, когда основное внимание уделялось Испании, анархо-синдикалистский Интернационал продолжал выполнять и другие международные задачи. Так, МАТ просила и далее собирать средства в фонды помощи НКТ, российским, немецким и итальянским революционерам, в общий фонд [211]. Она информировала о продолжении репрессий в Болгарии и СССР [212], призывала протестовать против террора властей нацистской Германии [213], протестовать перед посольствами США с требованиями освободить активиста ИРМ Тома Муни [214] и т.д.

**Salud proletarios
(Салют, пролетарии!)**

Один из гимнов испанских анархистов

Испанский	Русский
Salud proletarios: llegó el gran día, Dejemos los antros de la explotación.	Салют, пролетарии: настал великий день, Перестанем быть жертвами эксплуатации
No ser más esclavos de la burguesía, Dejemos suspensa toda producción.	Больше не будем рабами буржуазии, Перестанем останавливать все производство.
¡Iguales derechos e iguales deberes Tenga por norma la sociedad Y sobre la tierra los humanos seres Vivan felices en fraternidad!	Равные права и равные обязанности Такова будет норма общества. И на земле человеческие существа Заживут счастливо в братстве!
No más supremacía de dioses y reyes, No más de tiranos la vil opresión Y vallas, fronteras, gobiernos y leyes	Нет больше господства богов и королей, Нет больше подлого угнетения тиранами, И ограды, границы, правительства и законы
Derrúmbense al paso de la rebelión. Formemos un mundo de paz y armonía, Do libres imperan las Artes y Amor,	Обрушатся от поступи восстания. Создадим мир мира и гармонии, У свободных царят Мастерство и Любовь,
Viviendo la vida en libre anarquía.	Когда они живут жизнью в условиях вольной анархии.
Natura la brinda en su rica labor.	Природа дает такую возможность в своей богатой лаборатории.
Trabajador, no más sufrir, El opresor ha de sucumbir. ¡A derrocar el capital Al grito de revolución social! Acracia al fin triunfará, jardín la tierra será.	Трудящийся, не надо больше страдать, Угнетатель должен пасть. Низвергнем капитал Под клич социальной революции! Безвластие, наконец, победит, Земля станет прекрасным садом.
Todo la vil a eliminar. Pueblo viril, ¡luchar, luchar!	Любая мерзость должна быть уничтожена. Возмужавший народ, на борьбу, на борьбу

Версия #7

██████████ ██████████ создал 29 октября 2025 17:06:17

██████████ ██████████ обновил 12 ноября 2025 17:53:20